

К1374804

Евгений
Макаровский

ЗОВ ПАМЯТИ

ББК 63.3(2)622.78
М 15

+кр +кми

63.3(2)622.782 А/я

Научный редактор

В. В. Судаков, профессор, доктор педагогических наук

Макаровский Е. И.

М 15 Зов памяти / Научный редактор В. В. Судаков. – Вологда:
Изд. центр ВИРО, 2004. – 56 с.

Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Е. И. Макаровского об-
ращены и к людям старшего возраста, и к молодому поколению.

ББК 63.3(2)622

М 15

© Е. И. Макаровский, 2004

© В. В. Судаков, 2004

ПО ПАМЯТИ, ЧТО ПО ГРАМОТЕ

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех.

А. Яшин

Памятование, то есть незабвение, помин, удержание прошлого в памяти для того, чтобы идущие чередой друг за другом поколения несли и берегли пущё земли оца свет самой жизни, – искомное свойство сознания русского человека. Памятование человека, побывавшего на войне, приобретает тот особый оттенок, о котором поэт-фронтовик А. Яшин высказался с жесткой прямоотой: «Война все наши чувства обострила». Все, все довоенное, чем жил человек, надевший военную шинель, приобретает особую ценность. Чем глубже корни памятования война о его роде-племени, о трудах-заботах хлебороба или рабочего (а такие составили большинство красноармейцев и моряков), о крове родимом и хлебе насущном, о просторах родных северных полей и лесов – тем сильнее разрастается в этом войне священное пламя ненависти к врагам русской земли.

Вполне вероятно, что для военного человека, тем более находящегося в условиях боевых действий, просто неоставало времени для полновесного осознания значимости своего бытия довоенного. И даже если он много позже, десятилетия спустя, повинувшись зову (призыву) памяти, долгу перед боевыми друзьями-товарищами, перед собственной человеческой совестью, займется памятописанием, составлением памятных записок, он остается самим собой. Совестьливого военного человека прожитые годы делают и придиичливо зорким, и осторожно мудрым одновременно.

Таковы памятные, по существу биографические, записки Евгения Ильича Макаровского (Ильина). После мобилизации из-за полученных им тяжелых ранений он учительствовал в Верховажской средней школе, был комсомольским вожаком в Верховажском райкоме и Вологодском обкоме ВЛКСМ, потом более 20 лет находился на партийной работе, почти 13 лет выполнял обязанности заместителя председателя Вологодского облисполкома и уже 17 лет возглавляет Вологодское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Награжден шестью орденами и двенадцатью медалями, в том числе двумя орденами Красной Звезды (1943г., 1944г.). Всю жизнь всему, чего касалась его деятельность, предпочитал учиться сам.

Секретарь Верховажского райкома ВЛКСМ
Е. И. Макаровский. 1948 г.

Секретарь Вологодского обкома ВЛКСМ
Е. И. Макаровский. 1951 г.

Еще будучи курсантом Велико-Устюгского военно-пехотного училища (его призвали, когда не исполнилось и восемнадцати лет), твердо усвоил: неуча в командиры не ставят. Курсант училища и лейтенант-командир стрелкового взвода – всего две ступеньки военного человека Ильина (Е. И. Макаровского). Два года в рядах действующей армии, в частях 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

В сводках Совинформбюро 1941–1945 годов на первом месте значилась информация о тяжелых боях и крупных битвах Великой Отечественной войны. Заканчивалась сводка, как правило, строкой: «На остальных участках фронта в истекшие сутки проходили бои местного значения».

Трудно, невозможно представить себе, тем более окинуть взором эту тысячеверстную линию фронта, протянувшуюся от Черного до Баренцева моря, на большей протяженности которой велись «бои местного значения». Комвзвода Ильин в окопах, на передовой, где шли изнурительные бои, сковывающие и перемальвающие многочисленные силы гитлеровцев, воевал более семи месяцев. Свою военную судьбу именует счастливой, так как много-много раз перекрыл среднестатистический трехдневный срок жизни взводного.

Дважды навещался Евгений Ильич Макаровский в места, по которым его вела фронтовая дорога.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесьь,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Так описал поле «боя местного значения» Александр Яшин в 1943 году. Сравни. читатель, эти строки с цитатой из памятных записок Е. И. Макаровского: «Подходили к окраине бывшей деревни, к обрыву, внизу и вдали от которого зеленела большая поляна, обросшая деревьями со всех сторон. Под обрывом – заболоченный ручей, впадающий в озеро. За поляной – омывающая ее речка и тоже впадающая в озеро. Значит, это – та поляна! Около речки шестьдесят лет тому назад Ильин был контужен, а недалеко от бывшей деревни Батово и вот этого ручейка он был ранен. Естественно, появилось желание спуститься вниз и теперь спокойно пройти по поляне.

Владимир Павлович (Сушевский – глава администрации Маевской волости Новосокольнического района Псковской области. – В. С.) запротестовал: «Ручей глубокий. Я хожу в броднях». «А я, – нашелся Ильин, – штаны сниму и пойду». Придержав его за руку, Владимир Павлович сказал: «Зачем же без штанов идти на мину... Саперы там были. Но гарантии нет».

До сей поры остаются опасными поля «боев местного значения». Каждый год поисковые молодежные отряды извлекают на этих полях, в заросших окопах, траншеях, блиндажах неразорвавшиеся снаряды, мины, останки незахороненных, засыпанных землей бойцов и командиров.

178511 имен воинов-вологжан, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины, внесено в «Книгу Памяти Вологодской области». Они участвовали во всех крупнейших битвах, определивших ход и исход войны. Они сложили головы, сражаясь с фашистами в «боях местного значения». Горькая правда в том, что обстоятельства и место гибели почти половины павших не установлены.

Небольшое по размеру Слово памяти – так бы я назвал записки ветерана Великой войны Евгения Ильича Макаровского – звучит то как реквием по неучеленным бойцам его взвода, то как торжественный гимн жизни, которую лейтенант Ильин успел неистово полюбить в свои восемнадцать лет, ощутить всю ее красоту и мощь. Для этого надо было вырасти в деревне, испить из родниковых истоков русского человека. «Деревенская жизнь, с которой начал свой путь Ильин, стала для него школой народной мудрости, трудолюбия, выносливости и практичности. К полученным в этой школе урокам он всегда обращался в годы войны, в не менее трудные послевоенные годы и получал заряд бодрости, энергии, уверенности».

«Похоронку» на отца Илью Васильевича лейтенант Евгений Макаровский, выпускник Велико-Устюгского военно-пехотного училища, и назначение на фронт получил в один и тот же день. И материнский наказ ему, старшему сыну: «Пока не вернется отец, ты гут остаешься за хозяина», он принял как наказ воевать и во что бы то ни стало оставаться в строю и жить!

Прошло немало лет, прежде чем Евгений Ильич в 1981 году подчинился зову памяти. Поехал в Невельский район Псковской области. Вместе с 19-летним сыном Алексеем. И вот они оба на месте, потрясенные встречей с высотой 173,9 вблизи села Ловец, где только за двое суток полегло «больше двух взводов первой роты, да больше двух взводов второй роты, да несколько разведчиков и танкистов». На поле боя, который был частью тяжелых сражений за Невель, «за землю нашу русскую и за всю нашу жизнь».

«Папа, – спросил Алексей, – земли домой возьмем?»

«Возьмем. Только зайдем еще к моим автоматчикам. Посидим. Помолчим».

«Папа, – не успокаивался сын, – посмотри: на фашистских окопах выросли осины, а на наших, на твоих-то окопах растут березки!»

Молча долго-долго смотрел Ильин то на осины, то на березки, то на сына. Как верно, как мудро в этом случае распределила свои дары природа! И как здорово, что заметил, увидел это именно сын!

В сентябре 1943 года ту же самую мысль о назначении человека, которая сегодня тревожит старшее поколение, которому так хочется, чтобы молодые не прошли мимо самой жизни, эту мысль Александр Яшин уложил в емкие строки стихотворения «Поле боя»:

Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен.
Но на поле боя должен,
Должен ты побыть хоть раз...
Чтоб по-новому любить
Все, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Знать ей цену,
Как солдаты.

И оба они, воины-вологжане, конечно же, верно определили суть памяти, над которой не властно время. Точно так, как судит сам народ: по памяти, что по грамоте; а добром и память добрая!

Валерий Судаков.

научный редактор и ответственный
составитель сериалов
«Книга Памяти Вологодской области»,
«Ветераны Великой Отечественной»,
«Вологжане – труженики тыла».

Евгений Макаровский

ЗОВ ПАМЯТИ

Заместитель председателя Вологодского облисполкома Е. И. Макаровский. 1965 г.

НА МАРШЕ

Подразделения 150 стрелковой дивизии третьей Ударной армии в декабре 1943 года вот уже третьи сутки находились на марше в направлении села Ловец Невельского района Псковской области. Как назло, дул холодный пронзительный ветер, и шел сырой мелкий снег. Идти при полном боевом снаряжении, в промокшей леденеющей одежде было нелегко. Ноги тяжелели от налипающей глины и дорожной грязи. Самой желанной в такой обстановке стала команда «Привал!». Услышав ее, солдаты садились на обочину дороги, доставали по сухарику и, едва успев прожевать его, засыпали. Вскоре их будили, становили в строй, пересчитывали, и колонна восемнадцати-девятнадцатилетних ребят, извергая мажорочный дым и крепкий запах солдатского пота, опять двигалась вперед.

На одном из привалов кормили кашей с мясом. Командир взвода автоматчиков первой роты 756 стрелкового полка лейтенант Ильин начал есть кашу и уснул. Он не заметил, как котелок с кашей упал на снег к ногам. Он не заметил и не услышал, как невдалеке остановилась легковая автомашина и из нее вышел генерал. Ротный капитан Аникин доложил, затем он подошел к взводному и громко сказал: «Лейтенант Ильин!». Поправив висевший на ремне автомат, Ильин встал и доложил: «Товарищ генерал, взвод автоматчиков в полном составе находится на привале». Генерал спросил – почему он не ест кашу. «Горячая, решил остудить маленько...» Генерал улыбнулся, велел добавить каши, а солдатам – строиться в колонну и продолжать движение. Он сел в машину и поехал в голову колонны. Это был командир дивизии Шатилов Василий Митрофанович.

Настроение у Ильина было испорчено, хотя его никто ни за что не упрекал. Достаточно того, что он умел «казнить» сам себя. Находилось и оправдание: он устал больше других командиров потому, что выдерживал значительно большую нагрузку. В полку не было охранного или комендантского подразделения, и охрану зачехленного полкового знамени поручили взводу автоматчиков под личную ответственность Ильина. Вот и сейчас он шел рядом с ассистентами и думал – почему у него жизнь складывается так, что постоянно приходится нести двойную нагрузку?

Но – стоп! Давайте расскажем все по порядку.

УТВЕРДИ СЕБЯ САМ

Крестьянский сын, волею судьбы давно оказавшийся в городе, Ильин часто вспоминал деревенскую жизнь. Воспоминания эти уносили его в детство, в те счастливые годы, когда он начинал все делать сам. Впервые плавал и удил рыбу; впервые ходил в лес за грибами и ягодами; впервые пилил, тесал, строгал... В деревне многое надо делать самому. Чтобы делать, надо уметь, учиться у кого-то. Но и этого мало. Если чему-либо научился – утверди себя перед сверстниками, докажи, что ты умеешь делать это не хуже их. Иначе – засмеют. Запросто обзовут хвастуном или еще как, и эта кличка может пристать к тебе на многие годы.

Житейская наука – трудная. Постигающий ее обязательно должен нести большую нагрузку и пережить, преодолеть множество неудач. Но не огорчения определяют отношение к делу, а радость самоутверждения, гордость за сделанное тобой, твоими руками.

Деревенская жизнь, с которой начал свой путь Ильин, стала для него школой народной мудрости, трудолюбия, выносливости и практичности. К полученным в этой школе урокам он всегда обращался в годы войны, в не менее трудные послевоенные годы и получал заряд бодрости, энергии, уверенности.

Сразу после окончания девятого класса на время летних каникул Ильин вместе с дружкой Митькой Желтоноговым ушел за сорок километров в город Вельск Архангельской области к дядюшке Михаилу Васильевичу Житнухину, родному брату мамы Евгении Васильевны. Тот устроил их на работу в райпищекомбинат вытаскивать из реки на берег и складывать в штабеля сухостойные бревна, которые использовались на дрова. Было трудно, тяжело, небезопасно. Но все обошлось хорошо. Два месяца они добросовестно трудились, досыта ели щи, картошку тушеную с мясом, белый хлеб с маслом, а домой вернулись с честно заработанными деньгами.

Радость была недолгой. В военное время с Ильиным поступили по-военному: на третий день после приезда домой ему вручили повестку о мобилизации на оборонные работы в районах Валдая, Крестец и Старой Руссы.

Работали до ноября 1941 года. Опять было трудно и тяжело. Кормили кашей, хлебом и чаем два раза в день. Спали в банях на подстилке из травы и соломы. Порой появлялись немецкие самолеты, обстреливали, бомбили и разбрасывали листовки – «Русские дамочки, не ройте ямочки. Придут наши таночки и зароят вас в ямочки».

Под Валдаем и Кресцами войну чувствовали по далекой артиллерийской канонаде, заревам далеких пожаров, да по таким вот визитам самолетов. Жили и работали пока без потерь.

Трагедия началась под Старой Руссой. «Окопников» срочно перебросили в район кирпичного завода. Пришли туда вечером усталые и голодные. Недалеко от завода заметили копны сена, наносили его на остывающие печи и мгновенно заснули. А рано утром всех разбудили солдаты во главе с капитаном. Они стреляли вверх и кричали: «Уходите обратно, на восток! Немецкие танки прорвали фронт и идут сюда. Уходите на восток!». Сразу же образовалась толпа напуганных людей. Они метались из стороны в сторону, кричали и ругались. Когда услышали пулеметную и автоматную стрельбу, взрывы снарядов, мин, когда недалеко увидели несколько столбов черного дыма от подбитых и горящих танков, поняли, что запад там, а им надо срочно на восток.

В толпе никакого начальства не оказалось. Сначала она двигалась общим потоком, потом стихийно разделилась на три части. Те, кто хотел быстрее добраться до дома, побежали по железнодорожному пути и по проходящей рядом шоссейной дороге, наивно надеясь, что их подвезут попутные поезда и автомашины. Небольшая группа, в том числе ученики Верховажской и Чушевицкой средних школ, пошла по проселочной дороге, через поля, луга, перелески. К вечеру пришли в небольшую деревню. Их напоили водой, некоторых напоили чаем из зверобоя и других трав, а счастливых бабушки угостили вареной картошкой. Бабушки и дедушки спрашивали: кто они? И действительно – кто они? – окопники, беженцы, дезертиры?... У них нет ни документов, ни денег, ни хлеба. Есть только одно – желание быть дома.

Как позднее выяснилось, отступающих по железной и шоссейной дорогам беспрестанно бомбили и обстреливали с самолетов. Многие погибли. Куда их, беспаспортных, списали, где похоронили – об этом и сейчас не скажет никто.

Верховажан Бог миловал. Хотя проселочная дорога их привела тоже к железной дороге. Их тоже бомбили и обстреливали много дней, пока они не добрались до Ярославля.

Очень страшно было на железнодорожных станциях Удомля и Максатиха. Немцы сначала бомбили и уничтожали паровозы, а потом самолеты помногу раз на бреющем полете, с воем включенных сирен, бомбили, стреляли, жгли все, что было на станциях. Испуганные, ошалелые, беззащитные люди выпрыгивали из вагонов и старались убежать. Но их тут же расстреливали из самолетов. Даже если убежал один человек, фашист гонялся и за ним до тех пор, пока не расстреляет.

Ильин и его верховажские друзья поняли, что безрассудно бегать не надо. Они заползали под вагоны, бросались в грязь придорожных канав, воронок от разорвавшихся бомб, вжимались в землю и лежали, хотя казалось, что не-

мецкий самолет летит прямо на тебя, бомбит тебя, а извергаемые им пули свистят совсем рядом. Выдержал, не выскочил, не побежал безвременно – возможно, выживешь. Убедился, что стервятник улетел, – беги до очередного укрытия. На станции Максатиха таким укрытием оказалась разбомбленная столовая, на кухне которой уцелел котел с кашей. Немедленно его «атаковали» и кашу расхватали. Ильин кашей наполнил пилотку и отошел в сторону. Рядом оказалась Женя Ждановская. Ее оттеснили. Она плакала, потому что осталась без каши. Ильин поделился, и они кашу съели вместе...

Путешествие с окопов до дома длилось более двух недель.

Назавтра по прибытии на родину все десятиклассники из верховажской группы окопников были в школе. Директор отказался принять их в школу: мол, я таких прав не имею, да уже начинается вторая учебная четверть. В районном отделе народного образования ребята тоже наткнулись на колебания и безрезультатные разговоры. Когда услышали, что в райкоме комсомола не знают, что делать, Ильин комсомольского секретаря взял под руки и повел в райком партии. Там решили: из школьников-окопников образовать отдельную учебную группу. Назавтра они стали учениками десятого класса. Желание учиться было удовлетворено, удовлетворено потому,

что первый секретарь райкома партии Дмитрий Алексеевич Маринин и председатель райисполкома Николай Артемьевич Зворыкин оказались человечными, добрыми и решительными руководителями.

Очень трудное время переживала семья. Поэтому главные проблемы Ильина были впереди. Отец на фронте. Мать – доярка на колхозной ферме. Дома было два брата и сестра. Как старшему, мать сказала ему: «Пока не вернется отец, ты тут остаешься за хозяина». Значит, ему надо с покосов возить сено для коровы, из лесу возить дрова (да их еще надо пилить, колотить). Каждый день надо топить печку, ушатом на санках из речки возить воду. Уроки делал (выполнял домашнее задание) поздно вечером при свете лучины. Керосина не было.

Е. В. Макаровская.
1898–1966 гг.

Однако и это не все. В начале весны 1942 года в Верховажье создается группа обязательного военного всеобуча. В ее состав вошли мужчины, по болезни не мобилизованные в армию, служащие районных учреждений. Занятия проводились три раза в неделю во второй половине дня. Командиром был назначен старший лейтенант Сальников, а его помощником Ильин. Вызвали в военкомат и назначили. Кто его заприметил и «выдал» – неизвестно. Сама учеба проходила так: больной Сальников начинал занятия, показывал что-то и потом поручал своему помощнику продолжать. А сам сидит в сторонке, наблюдает, если надо – помогает.

Так без первой четверти, без постоянной учебы в конце года Ильин закончил Верховажскую среднюю школу.

НЕУЧА В КОМАНДИРЫ НЕ СТАВЯТ

Через несколько дней после окончания школы Ильина сразу призвали в армию и зачислили курсантом Велико-Устюгского военно-пехотного училища. Учился он хорошо, с интересом и старанием. Особенно нравилось ему, когда занятия проводили приближенно к военной обстановке, с применением боевого стрелкового оружия. Постоянные тактические учения на местности, маршброски, строевая подготовка, боевые стрельбы, изучение и чистка оружия по форме были похожи на соревнование между курсантами, между отделениями и учебными взводами. Это мастерски умели делать такие офицеры, как командир роты старший лейтенант Харитонов, как командиры взводов лейтенанты Баранов и Санько, преподаватель инженерного дела и саперной подготовки капитан Самсонов. Получившим ранения на фронте, им нелегко было проводить эти занятия. Но они никогда ни на что не жаловались. За это их еще больше уважали и любили. Любили и предмет, который преподавал любимый командир.

Курсант Великоустюгского пехотного училища Е. И. Макаровский.
Рисунок сослуживца. 1943 г.

В тягость были такие «начальники», как старшина роты Нечаев. Ужасный службист, он хотел, чтобы внешне все блестело. Придерется к какой-нибудь мелочи у курсанта и будет гонять и муштровывать все отделение. Не понравится песня, взвод, а то всю роту будет гонять от казармы до столовой и обратно. А другие роты в это время обедают.

В начале ноября 1942 года училище было поднято по тревоге. Часть курсантских подразделений, в том числе и взвод, в котором служил Ильин, получили боевое оружие – автоматы и были отправлены в город Котлас. Там они погрузились в вагоны и доехали до города Няндомы. После пешего перехода прибыли в старинный небольшой город Каргополь Архангельской области. Всю роту разместили в районном Доме культуры. Немедленно приступили к ремонту и переоборудованию деревянного барака, в котором до последнего времени жили заключенные Карлага. Этот барак и стал пристанищем всей курсантской роты.

Как стало известно курсантам, училище и еще несколько воинских подразделений срочно разместили в Каргополе потому, что наши радисты перехватили и расшифровали сообщение в гитлеровский генштаб о том, что группа немецких диверсантов, выполняя задание, в окрестностях озера Лача обследовала местность, установила сигнальные знаки в местах возможной посадки самолетов и просила выслать за ними самолет. Выяснилось, что с наступлением холодов гитлеровцы планировали выбросить в район озера Лача большой десант, который должен был выйти к железнодорожной станции Коноша, разрушить ее и помешать доставке вооружения для нашей армии, получаемого по лендлизу от союзников.

Сначала для обнаружения и поимки диверсантов задействовали весь курсантский батальон. Но вскоре убедились, что бесполезно осенью посылать в лес, в болота необстрелянных и мало обученных юнцов. По предложению старшего лейтенанта Харитонов из офицеров и курсантов-фронтовиков батальона для выполнения задачи была сформирована боевая группа, а остальные курсанты, в том числе и Ильин, отправлены обратно.

Вскоре по радиосигналам диверсантов обнаружили и начали преследовать. Вечером группа Харитонova по просеке вышла к болоту, которое немцы уже покидали. Лейтенант Санько разрядил автомат в гитлеровцев. Убил одного. (Всего врагов насчитывалось одиннадцать). Остальные десять по просеке направились в лес. Их догнали. Харитонов приказал группе обойти немцев стороной, лесом. Каждый член группы должен был отдавать команды «своему» отделению. Сам Харитонов вышел на просеку и по-немецки (он хорошо владел немецким) приказал сдаться, сложить оружие и подходить к нему. Если это не будет выполнено, батальон их унич-

тожит. Гитлеровцы без боя сдались. Когда им связали руки и начали конвоировать, один выругался по-русски и сказал нашему ротному: «Молодец, ты ловко нас обхитрил»...

Позже мы узнали, что самолет немецкий все-таки вылетел, но был подбит и сделал вынужденную посадку в районе города Петрозаводска.

Так была сорвана затея гитлеровцев насчет десанта в районе озера Лача. Старший лейтенант Харитонов за успешное проведение операции был награжден орденом Красного Знамени.

В газетах об этой операции были скудные сообщения.

... Училищные будни шли своим чередом. Ильину казалось, что время летит быстро. Закончился первый период обучения – действия одиночного бойца; закончился второй период – действия отделения в боевой обстановке. Многих офицеров из училища снова направили на фронт. Вместо лейтенанта Баранова командиром взвода назначили сержанта – курсанта Ильина. Занятия шли по программе третьего периода – действия взвода в боевой обстановке.

Непосильную нагрузку комвзвода Ильин выдержал потому, что «ладил» с курсантами; не потакал, не заигрывал, а – ладил; помнил Нечаева – не унижал людей, не муштровал, а справедливо и строго требовал. Тщательно готовился к занятиям. Ему предложили место в общежитии для офицеров, место в офицерской столовой. От курсантов уходить не хотел. В казарме, у своего курсантского матраца, при свете дежурной керосиновой лампы штудировал воинские уставы, инструкции, пособия, писал план-конспекты. На сон оставалось не более четырех часов. Догадывался сержант: неуча в командиры не ставят.

Курсанты видели и понимали все, нередко пытались помогать. Как-то во время тактических занятий в поле Ильин устроил привал. И сам с удовольствием растянулся на молодой ароматной траве. Проснулся, когда помощник командира взвода докладывал о завершении занятий. Сержант подошел к строю и признался: «Не знаю, что сказать». Курсанты заулыбались и ответили, что пора идти на ужин. Возвращались в училище под строевую солдатскую песню.

В июне 1943 года Ильин получил свидетельство об окончании училища, а через несколько дней (в один и тот же день!) получил направление на фронт и похоронку на отца – Илью Васильевича...

Непредсказуемы жизненные дороги... Что касается отца, то через год в госпитале города Горький Ильин оказался в одной палате с капитаном Солодкиным. Познакомились. Разговорились. Ильин показал капитану фотографию отца. Тот глянул и воскликнул: «Так это мой пулеметчик Илюша!»

И. В. Макаровский. 1901–1943 гг.

Погиб отец Ильина на окраине города Лодейное Поле Ленинградской области. Рота Солодкина обороняла трехэтажное кирпичное здание больницы, отбивая атаку финнов, пытавшихся форсировать реку Свирь и переправиться на наш берег. В ходе боя пулемет неожиданно умолк. Ротный бросился туда. Илюша лежал у пулемета истекая кровью. Осколок попал ему под левую лопатку. Солодкин положил раненого поудобнее, сам взялся за пулемет, а когда отбили атаку, рядовой Илья Макаровский был мертв.

Вот такие дела... Теперь сыну пулеметчика Ильи пора ехать на фронт. Потому что к этому вызывает память об отце. Он подчиняется зову памяти, зову долга, зову чести.

«ВОТ И ПРИСТРЕЛИВАЙ!»

Прибыл Ильин в город Валдай, в резерв Северо-Западного фронта. Вскоре он оказался в составе 150-й отдельной стрелковой бригады. Штаб ее располагался в землянке на берегу реки Ловать, недалеко от города Старая Русса, километрах в трех-четырёх от линии фронта.

Назначение на должность произошло для него неожиданно. Состоялась краткая ознакомительная беседа с командиром бригады полковником Яковлевым, в ходе которой тот интересовался жизнью Велико-Устюгского училища. Спрашивал, как Ильин управлялся с курсантским взводом. Потом они вышли из землянки, и полковник предложил выстрелить из винтовки по заранее установленной на камне консервной банке. После первого выстрела банка упала, но не от пули, а от осколков камня. Ильин высказал предположение, что винтовка не пристрелена, что он бил по центру, а пуля ушла ниже. «Вот и пристреливай»,— сказал полковник и пригласил его снова в землянку. Там Ильину вручили приказ о назначении командиром взвода снайперов и подробно проинструктировали о предстоящих делах.

Взвод разместится рядом со штабными землянками. Комплектовался он из двух отделений. Но пока взвода не было еще в наличии. Его надо

создать из прибывающих завтра солдат-фронтовиков и научить их неизвестному для самого Ильина снайперскому делу. Сегодня из госпиталя прибыла группа выздоравливающих солдат для подготовки и оборудования стрельбища, строительства нескольких землянок для будущих снайперов, хранения оружия и боеприпасов. К вечеру в распоряжение Ильина прибыл оружейный мастер.

Итак, начался важный период жизни восемнадцатилетнего командира взвода – фронтовая жизнь.

Поэтому военно-учебная жизнь напоминала чем-то курсантский взвод. Не зря, видать, этим интересовался полковник Яковлев. Одно отделение было на стрельбище, второе с помощником командира взвода в землянке или тоже на стрельбище изучало материальную часть снайперских винтовок, уставы и инструкции.

Пристрелка винтовок велась на удаление мишеней от ста до шестисот метров. Всего шесть упражнений. На одно упражнение полагалось по три патрона для пробных и по пять патронов для зачетных выстрелов. Оружейный мастер определял среднюю точку показания. Если она совпадала с центром мишени, то начиналось следующее упражнение. Если желанная точка оказывалась правее, левее или выше, ниже, то мастер регулировал прицел или мушку винтовки и это же упражнение назначал снова. Иногда поправки мастер делал по два-три раза при одном упражнении, с сильной отдачей винтовки при каждом выстреле. У всех ребят болело правое плечо, что усложняло работу. На одно упражнение уходило не менее трех дней. Часто шеф взвода снайперов, начальник штаба бригады устраивал контрольные стрельбы.

Тактические занятия проводились в окопах на линии фронта.

Казалось бы фронтовая жизнь идет в спокойной обстановке. Но – нет! Однажды днем слева от снайперов, около штабных землянок возникла стрельба, начался бой с группой немцев, каким-то образом незаметно перешедших линию фронта и попытавшихся уничтожить штаб бригады. Ильин отдал команду залечь и стрелять прицельно, а помкомвзвода с парой бойцов направил, на всякий случай, прикрыть правый фланг. Вскоре все затихло. Немцы не ожидали такого отпора и бежали, оставив несколько трупов.

Один снайпер и несколько офицеров из штаба оказались ранеными.

Пришлось устанавливать посты и у стрельбища и у землянок.

Почти через два месяца обучение снайперов закончилось. Все они с винтовками отправились в свои подразделения.

Бригада в это же время была расформирована и передана в состав 150-й стрелковой дивизии.

1374804

«СЧАСТЛИВАЯ» МИНА

Ильин в составе этой дивизии получил назначение командиром взвода автоматчиков первой роты первого батальона 756 стрелкового полка, штаб которого разместился в землянках бывшей бригады.

Рота занимала оборону в сильно заболоченной местности. Впереди – Старая Русса, справа – озеро Ильмень, сзади деревни Бабки и Медведково, позади роты и слева – болото. Окопы – в полупрофиль. Рыть глубже нельзя: вода. Землянками служили окопы, только расширенные с углубленным проходом посредине, а по бокам – места для отдыха, накрытые настилом из веток и хвои. Сверху – слой дерна, на который в дождь растилась плащ-накидки. В землянке сбоку вырыто углубление с отверстием вверх. Это «печка» с дымоходом. Для маскировки дымоход прикрывался консервной банкой.

Командир роты капитан Аникин, помощник командира взвода старший сержант Тимошук и командир первого отделения сержант Шишов оказались ветеранами дивизии. Они в ее составе с первых дней войны. Командиром первого взвода был лейтенант Неустроев, будущий Герой Советского Союза, тот самый Степан Андреевич Неустроев, который будет участвовать в героическом штурме Рейхстага в звании капитана, в должности командира батальона. В тяжелых боях за Старую Руссу он был ранен и сейчас находился в госпитале. Ротный уверенно сказал, что вылетится и придет к нам. Он с увлечением рассказывал о рядовых и офицерах – ветеранах роты.

Неожиданно беседу командиров прервали крики и стрельба. Они вскочили из землянки, бросились туда, где строчил станковый пулемет. Обнаружили: немцы на исходе дня, но еще засветло подкрались к нашим окопам, скрутили задремавшего постового и потащили к себе. Со второго поста заметили фашистов и открыли огонь. Командир отделения крикнул: «Не стреляйте! Там – наш!» Но было поздно...

Ротный расстроился. Но никого ни в чем не обвинял. А что было делать? Ладно, что еще раз проучили гадов, а то они разведчиков, да таких вот налетчиков стали посылать постоянно. Хотели нас сбросить в болото и уничтожить.

«А ты, малый, осваивайся, да не дремли», – шутливо напутствовал Ильина капитан и подарил ему курительную трубку. С того случая ротный часто называл его «малый». Автоматчики поняли это. Большинство их были старше своего командира. Некоторые участвовали в боях. Однако и капитанская трубка сыграла свою роль: лица автоматчиков озарялись улыбкой,

глаза искрились и ярче светились, когда Ильин подходил к ним с трубкой в зубах.

Осваиваться долго не пришлось. Командир дивизии использовал каждый сравнительно свободный день для организации военных сборов и учений. Только под Старой Руссой Ильин дважды был на таких учениях. Первый раз с командирами отделений учили, как пехоте наступать при поддержке танков и как держать оборону, если ее прорвали немецкие танки. Ильин сидел на танке «Т-34» во время учебной атаки; сидел в окопе, который «утюжил» танк. Конечно, было жутковато. После «утюжки» вылез побледневший и задыхающийся, но зато знающий, как надо действовать. Второй раз его учили саперному делу, очень опасному, но пехоте очень необходимому.

Назавтра же после возвращения со сборов капитан Аникин и командир батальона майор Аристов приказали взводу автоматчиков сделать проход в минном поле справа от роты, вырыть окоп, чтобы ходом сообщения соединиться с соседней воинской частью. Ротный лично контролировал ход работ и помогал. Помогали солдаты других взводов роты.

Разминирование давалось очень трудно. Никаких миноискателей не было. Все делалось вручную. Вот ты ползешь по-пластунски и пальчиками, ладонями осторожно пригибаешь траву к земле и смотришь, а больше чувствуешь что-то не травообразное, а жесткое. Это усики взрывателя. И – боже мой! Не ошибись. Не нажми, а нежно-нежно откопай мину и обезвредь ее, то есть вывинти, удали взрыватель. Тогда мину можно и убрать, а сам ползи дальше. Когда с рук и с ног грудью и животом ложишься на землю, чувствуешь, как по телу ползут мурашки, как руки колют какие-то иголки, а глаза закрываются от крупных капель пота. Смахнешь пот рукавом и снова вперед по-пластунски. Пять метров прополз, обезвредил мины и – как было обусловлено – ставь палочку. На это место приползет автоматчик и начнет рыть окоп. А ты отдохни или разминируй следующие пять метров.

Как-то раз автоматчики не соблюли маскировку, зашумели. Ильин встал, прикрикнул. Сразу же из немецких окопов резанули длинными очередями. Инстинктивно он сел. Почувствовал, что чем-то укололся. Присел еще. И лишь тогда понял, что сидит на mine... Почему она не взорвалась – можно только гадать. Разминировал «счастливую» мину и ушел в землянку попить чаю. До сих пор в душе холодок, когда вспоминает он о таком «везении».

НА ВЫСОТЕ СТУПИНСКОЙ

В конце октября дивизию из-под Старой Руссы перебросили под Великие Луки. Ехали в вагонах, а потом шли пешком порядком. Прошли по городу, освобожденному от немцев 17 января 1943 года. Картина была безрадостная, даже – страшная. Города не было. От него осталось несколько домов и кирпичное здание школы. Конечно, на ходу, из колонны многое не увидишь, а то, что увидел Ильин, его потрясло, в память вошло навсегда. Всюду груды развалин, грязь, воронки, пепелища. На месте сожженных домов сиротливо стояли ставшие теперь бездомными русские печи, полуразрушенные кирпичные трубы которых, как человеческие руки, вздымались вверх и просили Бога наказать, покарать злодеев.

Жителей войны не встретили на всем протяжении дороги. Где же люди? Убиты и уничтожены, пленены и угнаны в рабство. Лишь немногим повезло выжить. Они сделали землянки и вот уже восьмой месяц, недалеко от линии фронта, живут там.

Через год и один месяц после освобождения Великих Лук, 18 февраля 1944 года, был освобожден город Старая Русса. Вернее, освобождено место, где когда-то был город: из 2960 домов уцелело только 4 дома. Вот что наделала война.

...Колонна, покинув руины города, прошла еще километров пятнадцать и вечером в сосновом бору около деревни Ступино остановилась на ночлег. Желанного отдыха не получилось. Рано утром – подъем по тревоге. Вскоре рота и весь батальон заняли оборону на высоте, которая называлась Ступинской.

Занимая указанные участки и сразу же оборудуя окопы, площадки для стрельбы и возможного боя, для укрытия людей, автоматчики удивлялись, почему тут никого нет – ни наших, ни немцев. Ильин с Тимошуком насчитали в окопах высоты 16 немецких и наших танков, самоходок и орудий. В разрушенных взрывами снарядов окопах торчали полузасыпанные землей трупы советских и немецких солдат; торчали то человеческие ноги, то руки...

Капитан Аникин сказал, что вчера тут, на высоте, сражались подразделения сильно потрепанной, недавно сформированной дивизии. Чтобы сохранить часть, ее отозвали на переформирование. Или они поспешили с уходом, или мы опоздали с приходом, но на высоте, за которую немцы так настойчиво и остервенело дерутся, какое-то время никого не было.

В полдень пришел комбат майор Аристов. С ротным они все обошли, проверили, вроде бы, остались довольны и приказали командирам взво-

дов явиться в землянку комбата на совещание. Оно только началось, как прозвучала тревога: большая группа, до роты немцев, пошла в атаку на высоту. Тимошук приказал открыть огонь и приготовиться к контратаке. К автоматчикам присоединились бойцы двух других взводов роты. Вход в траншеи перекрыли офицеры и бойцы из ротной и батальонной землянок. Из соснового бора открыла огонь батарея 76-миллиметровых пушек. Бой получился скоротечный и закончился разгромом противника.

Еще не остыли страсти, как немцы по высоте и позициям батареи произвели артиллерийско-минометный налет. Несколько бойцов были ранены. Ночью мало кто спал. Чувствовалось напряжение. И не зря. На рассвете после короткого артналета опять немцы атаковали высоту.

Кроме первой роты ночью на высоту, в окопы прибыла еще одна наша рота и разместилась левее. У подножья высоты заняла позиции и была готова к бою батарея 82-миллиметровых минометов. Артиллеристы и минометчики, пулеметчики обеих рот сделали свое дело: группировка немцев была расстреляна.

По утру пошел тихий снег. Вокруг все побелело и стало нарядным. Воздух очистился. Дышалось легко и свободно. Захотелось выйти на улицу, поразмяться.

Ильин с Тимошуком при обходе своих «владений» заметили, что один наш «Т-34» без гусениц, но исправный. Проверили. Залезли в танк. Все на месте. Снарядов много. А дальше, как в сказке, и цель появилась. На занятой немцами противоположной высоте хорошо просматривались окопы, ДЗОТ, около которого на бруствере во весь рост стояли несколько немцев. Один из них размахивал руками и показывал на Ступинскую высоту. Ильин предложил:

– Давай, стрельнем!

– Давай, – согласился Тимошук.

Ильин признался, что танка не знает.

– Давай, я попробую, – Тимошук, как заправский танкист, легко зарядил пушку, прицелился и сделал два выстрела.

Немцы немедленно ответили кратким, но плотным артогнем. Их снаряды на этот раз немного не долетали и взрывались перед окопами.

Как только прекратились взрывы, оба «героя» вылезли из танка и лоб в лоб встретились с ротным и комбатом.

– Кто стрелял? – грозно спросил капитан Аникин.

– Стрелял я, товарищ капитан, – ответил Тимошук.

– И я стрелял, товарищ капитан, – сказал Ильин.

Капитан взял Тимошука за плечи, тряхнул и с горечью сказал: «Эх ты, дружок...»

– А ты, – подойдя к Ильину и тоже тряхнув за плечи, сказал капитан, – ведь сломаешь себе голову зазря. Кому это надо?!

Комбат и ротный ушли к своим землянкам.

– Пойдем и мы в землянку, попьем чаю, – предложил Ильин.

– Пойдем. У меня к чаю есть кое-что, – ответил Тимошук.

Землянкой, занятой у немцев, служила зарытая в землю крестьянская изба. Сверху сделан накат из бревен в четыре ряда. Напротив входной двери – ниша, служившая окном. Справа и слева – двухъярусные металлические кровати с панцирной сеткой, посередине – столик и металлическая печка.

Автоматчики завтракали. Один из них, находившийся на посту, видел немцев. Все видел. «Значит, вы пришибли шишку какую-то. За рядового они бы так не огрызались», – заметил этот солдат.

– Наши все целы? – спросил Ильин.

Шишов ответил, что потерь нет, что они еще спали, а постовые успели скрыться в колodчиках. Так они называли сделанные ими укрытия, ниши в стенках окопов.

В начале декабря подразделения дивизии были сняты с высоты и заменены другими. Им опять предстоял длительный поход.

«В НАШЕМ РОДУ БЕССОВЕСТНЫХ НЕТ!»

Дивизия в качестве очередного пополнения прибыла в знаменитый «невельский мешок» и заняла оборону в его горловине, почти напротив захваченного немцами псковского села Ловец.

...Вечерело. Дул холодный северный ветер. Начиналась метель. Взводу автоматчиков, как и всей первой роте, приказано докопать и дооборудовать кем-то начатые и оставленные окопы. Конечно, пехотинцам рыть землю – дело привычное. Но сейчас она мерзлая, а они усталые, очень усталые. И вот теперь, когда поход закончен, когда они, согласно приказу, прибыли на место, сразу всем захотелось посидеть, хорошо бы у костра, прилечь и поспать.

Капитан Аникин, отводивший взводу участок обороны, сказал, что не только костер разжечь, а шуметь нельзя, курить в открытую тоже нельзя. Он почему-то произносил: «Неззя!». И пояснил: «Немец близко. Озверел. Особенно после освобождения Невеля. Власовцев появилось много. В разведку и за нашими “языками” ходят». Пососав давно потух-

шую трубку, капитан приказал «держаться ухо востро», усилить охранение и к утру окопаться.

Впереди взвода, действительно близко, через равные промежутки времени взлетали немецкие осветительные ракеты. Стрельбы никакой не было. Справа и слева ракеты взлетали далеко от места расположения взвода. Их почти не видно. Зато там всю ночь слышалась артиллерийская стрельба. Мощные взрывы содрогали землю. Вскоре в тех местах нервно забилося зарево пожаров, небо закрыла черная пелена дыма, в воздухе запахло гарью.

– Не унывай, славяне! – задорным, звонким голосом призывал Тимошук. – Кто будет много спать и мало рыть окопы – не подходи, каши не дам, – шутил он при раздаче ужина.

Тимошук – душа взвода. Непререкаемый авторитет. В любой ситуации ориентируется быстро и может принять решение со знанием дела. Он четыре раза ранен. За взятие «языка» награжден медалью «За отвагу». Представлен к награждению орденом. За способность организовать дело, за веселый общительный характер, за умение спеть, сплясать и поиграть на имевшейся во взводе гармошке – за все это любили его автоматчики. Но и боялись Тимошука! Все знали, как строго, даже придирчиво следит он за состоянием оружия и несением постовой службы. Знали и о том, что соврать при Тимошукe невозможно: разоблачит тут же. За строгость и справедливость уважали его и сами провинившиеся, которых он неизменно называл на «Вы».

Ильину Тимошук понравился и тем, что его никогда не надо инструктировать, свою тяжелую солдатскую работу он всегда понимал и делал сам.

После ужина активность солдат заметно упала: их одолевал сон. Предвидя это, Тимошук с группой автоматчиков накрыли плащ-накидками одну из наиболее глубоких траншей, в образовавшееся укрытие нанесли хвой, веток, установили и затопили маленькую металлическую печку, найденную еще на Ступинской высоте.

Ротный в шутку иногда Тимошука называл буржуйчиком за оказавшиеся во взводе печку и гармошку. Автоматчики их берегли, в походах носили по очереди, как почетную реликвию. Заметив это, капитан сказал: «Нехай люди согревают тело и душу теплом и музыкой».

Ильин разрешил автоматчикам поспать по очереди, а окопы рыть приказал не по одиночке, а группами, чтобы было кому будить уснувших. Отправил поспать Тимошука. На исходе ночи и сам вздремнул немного. Снял сапоги, ноги обмотал портянками и вытянул к печке. Спина лег на хвою и мгновенно уснул.

Вскоре из далекой дали услышал знакомый голос: «Комвзвод (так взводного называл ротный, когда был чем-то недоволен), что тут, нехай, у мне происходит?» И совсем рядом, громко: «Кто разрешил?».

Сонно зевая, Ильин сел, затем, путаясь в портянках, встал и доложил: «Товарищ капитан, я разрешил». Не дожидаясь пока его прервут, продолжил: «Все равно в разведку пошлете, а я что с ними, с сонными, там делать стану?» И отрезал: «Пусть поспят!».

Капитан молча осмотрел всех и, уходя, сказал: «Ты, комвзвод, мне дисциплину, нехай, держи!»

К капитану Аникину Ильин относился с уважением и глубокой признательностью. Он любил посоветоваться с ним и гордился этим. «Так сказал капитан», – нередко именно такими словами заканчивал он свои разговоры с командирами отделений и автоматчиками.

Командиры взводов и отделений между собой называли ротного батей, называли с уважением и гордостью за то, что они имеют дело с многоопытным кадровым офицером. Воевать он начал еще в финскую. Был дважды ранен. Награжден двумя орденами Красной Звезды. Он очень строгий и добрый, капитан Аникин. Порой, видимо по молодости, Ильин недоумевал: как же в одном человеке совмещаются строгое и жалостливое отношение к людям, умение всегда одеваться по форме, умение четко, по уставу, отдавать команду – и такие вот слова: «неззя», «нехай», «мине»...

Ильин не раз замечал, что ротный умеет прислушаться к мнению других и отнестись к ним уважительно. Вот и сейчас он ушел от автоматчиков потому, что согласился со взводным, разрешившим им поспать. Он сам видел, как они дружно роют окопы и несут боевое охранение.

К утру метель понемногу утихла, а над селом Ловец и над «невельским мешком» на фоне светлеющего неба занималась огненно-красная заря.

Взвод автоматчиков, успевший за ночь вгрызться в землю, сильно потеснили и на занимаемом им участке разместили еще одну роту солдат. Левее, впереди автоматчиков, в заболоченной низине, почти напротив села Ловец, выделялась небольшая возвышенность. Так вот там, на возвышенности, ночью разместили подразделение станковых пулеметов.

Автоматчики говорили определенно, что здесь они долго сидеть не будут.

Солдатская почта донесла, что всю прошедшую ночь в «мешок» сплошным потоком шли машины и люди; что за дорогой, в нашем ближнем тылу окапываются артиллеристы и минометчики; что дальше их разместились «Катюши».

...Расположенная перед автоматчиками высота утром была все такой же заснеженной и белой, безлесной и голой, тихой и безмолвной.

Вызванные в землянку к командиру роты, где был и командир батальона, взводные узнали, что ночью наши разведчики на высоте были, но неожиданно наткнулись на немцев, которые их обстреляли и исчезли в темноте и метели. Комбат говорил, что высоту 173,9 они считали ничейной, незанятой, а она оказалась немецкой и стала хуже бельма в глазу. В зоне нашей обороны и предстоящего наступления это – господствующая высота.

Командир батальона приказал первой роте в двенадцать ноль-ноль произвести разведку боем. Взводу автоматчиков обойти высоту слева по льду небольшого заболоченного озера, а двум другим взводам – выступить на высоту прямо, через полосу небольшого кустарника.

«Товарищ капитан, – обратился Ильин к ротному, – прикажите автоматчикам выдать дополнительно по гранате на человека и по одному ручному пулемету на отделение». Все стояли молча. Каждый думал о своем, поэтому на просьбу Ильина отреагировали не сразу. Капитан Аникин сначала внимательно посмотрел на него, затем повернулся в сторону майора Аристова, так зубами сжал торчащую во рту трубку, что она поднялась к носу, и замер в ожидании решения.

«Давай!» – тихо ответил комбат. И добавил громко для всех: «К вечеру я должен знать, что это за высота».

Собрав автоматчиков, Ильин объявил приказ командира батальона и сказал, что идем днем, в открытую, поэтому действовать надо быстро и дружно, лишнего ничего не брать, идти налегке, шинели снять, маскхалаты одеть на фуфайки.

В назначенный час подошел ротный. «Ну, с Богом!» – напутствовал он. Автоматчики поднялись из окопов и, утопая в снегу, двинулись к высоте.

Справа пошли одетые в шинели бойцы двух других взводов роты.

Ильин не чувствовал никакой усталости и шел впереди нестройной цепи автоматчиков. Ему казалось, что теперь он неудержимо катится вперед на мощной волне ярости всенародной, что его задача заключается в том, чтобы не отстать и не упустить ничего из вида, не оторваться от волны, а вот так держаться на ее гребне самому и удержать всех автоматчиков, вместе ворваться на высоту и атаковать противника. Он чувствовал, что очень волнуется. Волнение происходит не только от страха. Оно усиливалось угнетающей неизвестностью. Не знал он, да и не мог знать, что будет с ним, с ними через мгновение или несколько мгновений. Стремился он к одному: не убило бы по-шальному, до боя, а там, в деле, он и они покажут себя, «в грязь лицом не ударят».

Всякий раз, когда ему было трудно и требовалась помощь, мама, бывало, говорила: «Не будь хуже других, сынок, не ударь в грязь лицом». Она ласково смотрела на сына и добавляла: «В нашем роду бессовестных нет, все живут честно, и ты живи честно».

Вот он, став солдатом по зову матери, матери-Родины, желал честно выполнить свой долг так, чтобы потом не совестно было посмотреть в ясные и ласковые мамины глаза.

Рожденный жить, он не хотел умирать сам и не желал смерти никому другому. Тем более, что жить он только-только начал и от жизни не успел взять ничего и ей еще ничего не дал. Вся биография его вмещалась в одно предложение: родился, учился и сейчас вот идет в свою первую атаку.

Крепко сжав автомат, Ильин потряс им в воздухе, прокричал что-то неуставное, оглянулся и, увидев дружно бегущих за ним автоматчиков, почувствовал силу и успокоение.

Вот они миновали озерко и забежали в кустарник, где, вроде бы, можно и передохнуть... «Ведь залягут, а тут пристреляно», – мелькнуло в голове, и он сильно закричал: «За мной, вперед!» Готов был еще что-то прокричать, да не успел: все оборвалось и утонуло в грохоте разрывов, пламени и дыме, вставших сплошной стеной рядом, но, слава Богу, сзади взвода. Автоматчики буквально свалились в какой-то ров, опоясывающий высоту с нашей стороны. Это был спасительный для них противотанковый ров немцев.

Обстановка сразу же изменилась и стала неясной. Ильин решил взвод рассредоточить, занять оборону, на фланги выставить пулеметы, а Тимощука с Быковым и еще двумя автоматчиками послать в разведку – выяснить, что за лощина огибает высоту слева, что делают немцы. Пока ждал их возвращения, от командира роты прибыл связной и сообщил, что те оба взвода залегли в кустарнике, оказались в полосе артиллерийско-минометного огня и погибли почти полностью. Взводу автоматчиков приказано выполнять задачу роты.

Возбужденный вернулся Тимошук. Он сказал, что лощиной можно незамеченными проползти почти до вершины высоты, что немцы готовятся к атаке, что ему надо двух ручных пулеметчиков, с которыми они ударят внезапно во фланг по немцам. Условились, что огонь группы Тимощука станет сигналом к атаке взвода.

...Вот немцы вышли из окопов и лавиной понеслись вниз, на автоматчиков. Группа Тимощука сразу же открыла огонь. Ильин с криком «Ура!» повел взвод в атаку. Немцы были на половине спуска с высоты, но в их рядах неожиданно появились убитые, произошло замешательство. Воспользовавшись им, автоматчики пошли в атаку и ворвались на высоту. Здесь

они обнаружили ДЗОТ и зарытый в землю танк. Окопы оказались накрытыми сверху настилом из бревен и досок. Впереди окопов – открытые площадки для наблюдения и стрельбы. С них они ночью обстреляли наших разведчиков и скрылись в окопах.

В ряде мест автоматчики врывались в окопы, но в темноте и неизвестности их встречали сильным огнем. Вести изнурительный траншейный бой нужды не было: взвод высоту разведаль и задачу выполнил. Чтобы сохранить силы, Ильин дал команду на отход. Заметив это, немцы усилили огонь. По кустам методически стреляли из минометов. С нашей стороны в поддержку действий автоматчиков не было ни одного выстрела из пушек или из минометов. Пришлось опять занять оборону и ждать темноты.

Лишь ночью люди, мокрые и промерзшие, нашли «приют» в своих окопах и в землянке командира роты. Ильин отходил последним. Как только встретил капитана Аникина, он доложил о выполнении задачи и спросил, – почему никто не помог взводу отойти? Даже убитых и раненых автоматчики выносили сами. Капитан какое-то время молчал. Потом тихо, но четко, выдавливая каждое слово, сказал: «Давай, нехай, выпьем за вечную и добрую память о тех, кого нет с нами. А пушкари завтра ударят со своих засекреченных позиций». Ильин понял, что ротный очень взволнован, что его кто-то крепко обидел.

Капитан на ночь дал Ильину свою сухую одежду и куда-то вышел.

Утром Ильин переоделся в свою одежду, проверил и приготовил автомат, пистолет, гранаты и узнал, что взвод автоматчиков получит пополнение и будет в резерве комбата. Капитан Аникин подошел к Ильину, обнял его и посоветовал, что если в бою будет тяжело, то кричи: «За Родину, за Сталина!» Я знаю. Это помогает. Ильин не сразу понял все и не успел сказать ничего. Он вышел из землянки, сел на бруствер окопа и сидел, пока не почувствовал холод. Обернулся, услышав сзади знакомые голоса. Там стояли командиры отделений и Тимошук. Подошли. Предложили пойти к ним попить чаю. «Побудем вместе, пока нас не разъединили». Оказываются они все знают и понимают, ко всему хотят отнестись по-человечески. Вот такие они, верные, надежные боевые друзья!

После чаепития они по отделениям распределили новое пополнение и все вместе смотрели, как разворачивается сражение за село Ловец. Непривычно было, ничего не делая, наблюдать, как после мощной артподготовки и залпов «Катюши» наши с ходу заняли непреступные вчера окопы и завязали бой в глубине вражеской обороны.

Во время артподготовки в окопе состоялось партийное собрание, на котором комсомолец Ильина, желающего в бой идти коммунистом, при-

няли кандидатом в члены партии. Хочу оговориться: не этой, а той партии – народной, боевой, авторитетной, в ряды которой, как свет к солнцу, тянулось все живое, нарождающееся. Присутствовавший на собрании инструктор политотдела спросил Ильина, как он оценивает вчерашнюю разведку боем. Тот, не раздумывая, почему-то ответил, что каждое дело надо всем делать изо всех сил и с умом.

«Зачем я ему так ответил? – спрашивал себя Ильин после собрания. – И слова-то не мои. Они верные, но не мои, а отцовские эти слова». И ему вспомнилось: как-то раз, еще в школьные годы, запрягал он лошадь и долго прилаживал хомут, а когда стал одевать его, лошадь вдруг задрала голову вверх, и он упал вместе с хомутом. Отец все видел, но не подменил, не осмеял, а посоветовал задернуть повод уздечки в хомут и наступить на повод ногой. В другой раз, затягивая супонь, он больно зажал свой палец. Отец сказал, что надо орудовать кнутовищем или палкой. А однажды он, еще маленький, учился косить. Хотел, как взрослые. Размахнулся и вонзил косу в землю. Отец показал, как надо держать косу, и посоветовал любое, даже самое маленькое дело делать изо всей силы и с умом. Вот чьи эти слова! Пожалуй, Ильин вспомнил их вовремя и использовал ладно.

...А бой продолжался успешно. Над немецкими окопами и над селом Ловец вместо красивой утренней зари висела огромная черно-серая полоса, в которой беспрерывно поодиночке и целыми снопами вспыхивали и угасали молнии взрывов снарядов и мин. В этих местах не видно ни земли, ни неба. Казалось горит земля, горит небо, особенно там, куда бьют «Катюши».

Вдруг из этого ада выбежала большая группа немцев. Они каким-то чудом уцелели и побежали к нам, на нас. Как только они приблизились, застучали расположенные в засаде наши станковые пулеметы...

А высота все еще была не нашей. За овладение ей с утра, после артналета, вела бой вторая рота. После неудачной атаки по высоте произвели еще один артналет. Немцы снова контратаковали. Тогда для подмоги пехоте направили три танка «Т-34». Без артиллерийской поддержки, без пехоты три красавца на высокой скорости устремились к высоте. Два почему-то свернули влево и завязли, утонули в озерке. Третий ворвался на высоту, но был подбит и подожжен.

Наблюдавший за ходом боя комбат ругался, посылал связных, а обстановка на высоте не улучшалась. Пехотинцы не шли в обход высоты, хотя Ильин вчера доложил о крытых окопах, ложине, ДЗОТе, танке – обо всем доложил. Пехотинцы шли в лоб, не перебежали через окопы, как им

было приказано, а «упирались» в них, залегали и с потерями отползали обратно. Тяжело было смотреть, как отступивших солдат у подножья высоты, во рву, останавливали, «приводили в порядок» и снова посылали туда же, тем же путем. На высоте было много трупов. Снег стал серым. Ротный (в бинокль было видно) все время торчал в противотанковом рву.

К полудню стало известно, что от второй роты осталось не больше взвода измотанных и морально убитых солдат.

Ильину было приказано идти туда, где был вчера, и помочь комроты-два капитану Королеву вышибить немцев с высоты.

По измятому снегу автоматчики быстро дошли до исходного рубежа – противотанкового рва. Пока взвод сосредоточивался, немцы пошли в атаку. Вот они пробежали полсклона... До схватки оставалось несколько минут... Трудно объяснить почему, но Ильин вдруг встал, повернулся лицом к своим автоматчикам и дико, изо всей силы заорал: «Взвод, залпом – пли!»

Это теперь можно кому угодно объяснять, что такой команды для автоматчиков вообще не существует. А тогда он ухватился за нее, словно за единственное спасение, и несколько раз подряд отдал эту команду. В критический момент она дисциплинировала солдат и организовала их действия.

Услышав, что последний залп был дружным, Ильин обернулся и увидел заметно поредевшие ряды серых убегающих фигур противника. «Взвод, в атаку, за мной!» – громко скомандовал он и побежал вперед, расчищая путь длинными автоматными очередями.

Комроты-два тоже скомандовал: «Рота, вперед!». А сам опять остался во рву.

Солдаты ворвались на высоту, проскочили окопы и завязали бой на уничтожение противника в его укрытиях. В ход пошли гранаты. Ильин заметил, как двое немцев на открытой площадке устанавливают пулемет и готовятся открыть огонь. Он бросил гранату. Когда приподнялся из окопа, увидел, что немного дальше еще один немец строчит из пулемета. «Давай гранату!» – пронеслась мысль, а гранаты на ремне, где она всегда была, на этот раз не оказалось. Дать бы очередь из автомата, но он искал гранату – мгновение упустил. Немец воспользовался этим мгновением и бросил гранату. Ильин заметил эту немецкую, с длинной ручкой гранату и присел в окоп. Присел медленнее, чем надо – упустил еще одно мгновение. Граната разорвалась рядом. В голову, особенно в левую щеку впилось много осколков. Шум боя и едкий чесночный запах немецкой взрывчатки из сознания вытеснялись страхом за то, что он не видит: правый глаз залило кровью, левый забило каким-то песком и в нем возникли страшные боли.

Дышать стало трудно: во рту много крови. Он медленно сползал на дно окопа. Слабеющее тело уходило во власть озноба и нервной дрожи, ушного звона и головокружения.

Таким вот, окровавленным, сидящим в немецком окопе, нашел его командир отделения Быков, приподнял, поставил на ноги, вытащил из окопа и повел вниз, к своим.

Высоту автоматчики и бойцы второй роты освободили.

Принявший на себя командование взводом Тимошук был награжден медалью «За отвагу».

«ГОДИТСЯ!»

Санитары забинтовали оба глаза, обмотали почти всю голову. Даже в рот, за щеку, затолкали большой тампон. Поскольку ноги целы, Ильин считался ходячим. Из подобных ему сформировали команду, дали провожатого, и все они к утру пришли в армейский полевой госпиталь № 4404. Состоял он из брезентовых палаточных помещений, в каждом из которых имелось любимое место – всегда горячая металлическая печка. Спали на деревянных нарах с настилом из хвои и соломы, покрытым сверху брезентом. Одеяло из якобы верблюжьей шерсти. Подушки похожи на настоящие, но тоже набиты мягкой соломой или сеном. Кормили тут же. Все лечебно-медицинские операции производились в специальных палатках. Врачи и медсестры были внимательны, вежливы, старательны. Они сопереживали раненым.

Дней через десять правый глаз видел, но верхнее веко было припухшим и не поднималось. Левый глаз забинтован. Его по несколько раз в день промывали и чем-то лечили. Обещали, что будет видеть. Из сильно распухшей левой щеки извлекли много осколков. Но не все. Самый большой, пробивший корень пятого зуба и застрявший в десне, удалили лишь в 1949 году в Московском научно-исследовательском клиническом институте (МОНКИ). Три осколка удалять нельзя. Они остались в Ильине как память о войне.

Перед новым, 1944-м годом размеренную и однообразную госпитальную жизнь нарушил визит «вербовщика». Так называли командиров фронтовых подразделений, которые порой за счет выздоравливающих пополняли редющие ряды своих батальонов и батарей. В тот день прибыл капитан Сердюков, командир батальона, державшего оборону напротив госпиталя.

Возвращаясь с прогулки, Ильин заметил большую группу солдат, которых кто-то в чем-то убеждал. Тут же были начальник госпиталя и еще

какое-то начальство. Комбат очень взволнованно говорил, что оборону держать нечем. У немцев тоже негусто, но, ежели пойдет немец, дойдет и до вас, безоружных и беспомощных. Что с вами будет? «Обороняй и защищай!» – выкрикнул кто-то. «Я говорю: нечем. У меня в батальоне нет ни одного офицера, нет ни одной роты. Все выбито»...

Оказалось, что из выздоравливающих и из вылеченных уже отобрана команда человек двадцать пять. На них оформляли документы. Комбату надо еще, особенно офицеров. Перед обедом любопытных собралось много. Комбат спрашивал: «Кто командир стрелкового взвода?» Ему подавали документы, он называл звания, фамилии и просил подойти. Одни отвечали, что они танкисты, другие – артиллеристы, а старший лейтенант Петров сказал, что он командир пулеметной роты...

«Но ведь это же – пехота!» – не утерпел Ильин и встрял в разговор.

«А ты кто?» – крикнул этот пулеметчик.

«Я – командир стрелкового взвода», – ответил Ильин.

Шум стих. Комбат уже осматривал взводного, а начальник госпиталя сказал, что он не долечен. Видишь – забинтован. «Ну и что? – не унимался капитан. – Стрелять надо правым глазом. Глаз видит. Руки, ноги целы. Годится!»

ЗА ПЯДЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Словно по шучьему велению, Ильин неожиданно оказался снова во фронтовом строю, но теперь не в рядах родной 150-й дивизии, а в составе соседней 379-й стрелковой дивизии, в первом батальоне 1253-го стрелкового полка, действовавшей в районе Новосокольников.

Батальона фактически не было. В нем осталась одна рота, а в ней – один взвод, командиром которого стал лейтенант Ильин. У комбата были еще две группы бойцов, охранявших две землянки с боеприпасами и оружием, два станковых пулемета с расчетами, две 76-миллиметровые пушки и одна «сорокапятка», тоже с расчетами. Пушки достались от уничтоженной в боях батареи, в свое время приданной батальону.

Комбат во главе артиллерийских расчетов назначил прибывшего из госпиталя лейтенанта; во главе четырех солдат у двух станковых пулеметов назначил старшего лейтенанта Петрова. Тут же, на улице, около землянки капитан отобрал группу солдат для боевого охранения, остальных бойцов передал во взвод. Ильин сформировал два отделения, назначил командиров, помкомвзвода и приказал проверить и приготовить оружие, выставить у землянок охрану, поужинать и отдохнуть.

Командир взвода лейтенант
Е. И. Макаровский. 1944 г.

Капитан Сердюков всегда ходил с ручным пулеметом на ремне. Сейчас он взял одного бойца из «своего» боевого охранения, тоже с ручным пулеметом, и предложил Ильину, пока тихо и темно, произвести разведку. Они обошли и выползли весь участок обороны. Выгодная позиция была только у артиллеристов. А батальон расположился в недавно занятых немецких окопах. Блиндажи тоже бывшие немецкие. Большой интерес представляла высота слева впереди позиций батальона. Сначала шли к ней, потом ползли, потом лежали под обстрелом при свете немецких ракет. Возможно, их и не заметили. Немцы любят стрелять и освещать местность ракетами.

Отлежались. Вернулись. Попили чаю. Легли отдохнуть. А высота все время была перед глазами.

День ушел на обустройство окопов, чистку оружия, на знакомство с людьми и местностью.

Вечером Ильин выпросил у комбата станковый и ручной пулеметы, отобрал группу бойцов и сам пошел с ними к высоте. Но не полем, где их вчера обстреляли, а оврагом, по берегу небольшой речки. Старший лейтенант Петров заартачился. Тогда комбат подчинил его Ильину и приказал на высоту с пулеметом идти самому. Провожая их, комбат предупредил, что артиллеристы плохо знают местность, если что, дать знать, и вручил Ильину ракетницу.

У подножья высоты залегли. Ильин послал в разведку трех бойцов во главе с командиром отделения – сержантом, несколько раз ходившим за «языком». Ждали долго. В полночь сержант вернулся с добрыми вестями и с немецким пулеметом. Высота, доложил он, – с седловиной. На обеих ее вершинах – окопы. На дальней вершине, в окопе обнаружили двух задремавших немцев. Прикончили их так тихо, что никто ничего не слышал. Оба бойца оставлены там, на высоте. Группа с Ильиным быстро и бесшумно заняла окопы на обеих вершинах высоты. Станковый и ручной пулеметы установили на дальней вершине, на ближней использовали немец-

кий пулемет. К рассвету все приготовились к возможному бою, в окопах вырыли колодчики или ниши. И – не ошиблись!

Рано утром слева на большом открытом поле появилась значительная группа немцев. Шли во весь рост, не спеша, переговариваясь. Похоже, что не знали о нашем присутствии на высоте. Подпустили их близко и расстреляли из двух пулеметов.

Не прошло и часа, как немцы снова пошли в атаку. Теперь – с двух сторон. Одна группа шла по тому же полю, а вторая, численностью с отделение, выбежала справа, из-за кустов и направилась к высоте. С большой группой опять справились пулеметчики. Полегло много немцев. Лишь несколькими из них удалось убежать. От группы справа отстреливались два бойца с автоматами и Ильин, взявший немецкий пулемет. И вот в самый критический момент по своим начала стрелять «сорокапятка». Она сделала несколько выстрелов, пока Ильин не выстрелил из ракетницы. Даже от воспоминаний о таком случае человеку становится жутко. С близкого расстояния, почти с прямой наводки вдруг слышишь выстрел: «Пиу-у»... и сразу же – взрыв: «Трах». И так несколько раз: выстрел – взрыв; выстрел – взрыв. От неминуемой смерти спасли опять окопчики. Но все солдаты оказались контуженными, избитыми и засыпанными комьями земли.

А немцы той порой продвинулись почти к самым окопам. Отбиваться пришлось гранатами. На глазах у Ильина замертво упал на дно окопа боец. Второй еще раньше был ранен, но держался, стрелял. Взводного опять Бог миловал...

Оказалось, что на дальней высоте убит ручной пулеметчик. Однако обе атаки отбиты! И сейчас, когда наступила (конечно – временная) тишина, Ильин почувствовал какую-то слабость. Он пребывал в состоянии нервного озноба. Захотелось пить. Взял горсть снега, но он оказался перемешанным с землей. Выплюнул. Вспомнил, что все они не ели и не пили ничего больше суток. Патроны и гранаты кончаются. Двое убитых, один раненый. К ним никто не приходит, да еще вот этот дурацкий обстрел из «сорокапятки». Он решил идти к комбату. Его отговаривали. Дождись, мол, когда стемнеет. Днем заметят и могут подстрелить. Но – нет! За старшего оставил сержанта, спустился к речке и ушел. Вскоре увидел убитого нашего бойца с термосом. Взял термос, автомат и вернулся. Поели еще не совсем остывшую кашу, перекурили. Ильин вторично ушел и благополучно добрался до блиндажа.

Там капитан «распекал» лейтенанта-артиллериста. Оказалось, что его «сбила с толку» стрельба из немецкого пулемета. Увидев Ильина, комбат обнял его, угостил чаем и сказал лейтенанту: «Вот ты пойдешь вместо его, в те окопы, которые обстрелял». Обрадованный лейтенант ответил, что он

этот приказ сочтет за честь. Разморенный чаем и теплом, Ильин задремал и не заметил, как его уложили поспать; он не знал, что комбат ночью с бойцами сам ходил на высоту, что он заменил пулеметчика Петрова и тот тоже спал рядом с ним.

Назавтра капитан сказал Ильину, что командир полка приказал вышибить немцев с возвышенности справа, за речкой, с той самой возвышенности, с которой они на нас ходили в атаку. Ильин и сам начал присматриваться к этим местам, а теперь решил все разведать и уточнить. Весь день с помощником командира взвода лазил он по правому (нашему) берегу заболоченной речки. Она с двух сторон омывала возвышенность и впадала в озеро. Точнее сказать можно так, что это была большая поляна длиной не менее километра, шириной полкилометра. Левый берег речки зарос ивняком и ольхой. За поляной, перед нашим фронтом, на большом угоре – деревня Батово. Взяв развоенную седловиной возвышенность, батальон вклинился в немецкую оборону: слева – окопы, впереди – деревня, справа – поляна, на которой оказалось три блиндажа. Хо́да сообщения между ними нет. Ходят немцы только по одной тропе, ведущей к озеру. Вероятно, что вдоль ее склон к речке заминирован со всех сторон. Можно предположить, что немцев в блиндажах не меньше взвода.

Поздно вечером Ильин и помкомвзвода, сырые и уставшие, вернулись в блиндаж. Там все спали. Уснул и постовой. Печка остыла. Ильин не стал будить ребят. Он встряхнул постового, и они втроем пошли на верх блиндажа, где в снегу лежали деревянные ящики из-под мин и снарядов. Начали сбрасывать их вниз. И вдруг прогремел страшный взрыв.

Ильин помнит, как от взрыва снаряда большая ель, около которой они собирали ящики и сбрасывали вниз, как эта ель вздрогнула и стала падать. Больше он не помнит ничего. Очнулся лежащим на спине вниз головой в траншейном спуске в землянку. Руки и ноги шевелятся, но стали какими-то непослушными. Попытался встать и почувствовал, увидел, что лежит на истекающем кровью солдате. Рядом лежал помкомвзвода, тоже весь в крови и мертвый. Ильина занесли в блиндаж, уложили на нары, дали чаю. Его стошнило. Сильно болела голова, из правого уха шла кровь. Почти не слышал. Заикался. Вот таким увидел его комбат. Угостил из кружки. Стало еще хуже. Головокружение усилилось.

От печки пошло тепло, он успокоился и уснул. В госпиталь не отправили: надеялись, что отлежится тут. А операцию с освобождением поляны временно отложили.

Через несколько дней Ильин «встал в строй». Вышел из землянки, походил около ее, и они с комбатом решили завтра рано утром идти на поляну.

Шли тихо, колонной по одному, сначала правым берегом, потом по льду речки перешли на левый и около второй землянки начали выбираться из кустов на край поляны. Немцы их заметили, но поздно. Началась стрельба. Комбат и Ильин с криком «Ура!» повели солдат в атаку. Перепуганные немцы выскакивали из землянок, отстреливались, бросали гранаты, но развернуть единые организованные действия не смогли. Их хорошо видели солдаты взвода и уничтожали тут же, при выходе из землянок. Один немец, выбегая из второй землянки, стрелял в капитана. Очередь Ильина оказалась на мгновение раньше и более точной. Оба они подбежали к убитому немцу, капитан вынул из его автомата патрон и взял себе, «на память». Эта пуля, сказал, могла быть моей...

Дальнейшие действия Ильина с Сердюковым и всего взвода на какое-то время были парализованы тремя мощными взрывами: немцы взорвали блиндажи и побежали под обрыв берега к озеру. С мест землянок высоко вверх извергалось красное пламя, поднимался черный дым, остро пахло бензином. Преследуя отступающего противника, взвод освободил поляну и занял оборону в немецких окопах у догорающих землянок.

Ильин выпросил у комбата оба станковые пулемета. Выругавшись, он сказал, что скоро сам придет с пулеметчиками. Проводив комбата, он почувствовал усталость, выбрал местечко с теплой землей, лег на землю и уснул. Разбудил комбат. Он опять ругался и тащил Ильина за ноги в сторону. Оказалось, что у ног пламя пробилось сквозь землю и «пожирало» валенки. Обгорели оба валенка. На смену быстро найти другие валенки не смогли. Ильин, радуясь, что хоть ноги уцелели, надел ботинки с обмотками.

Пулеметы установили там, где была третья землянка: один – для прикрытия со стороны немецких окопов, второй – от озера. К вечеру принесли термосы с обедом и ужином. Солдаты хорошо закусили, приняли по сто грамм фронтowych и до наступления темноты заканчивали подготовку позиций и оружия. У всех было приподнятое настроение, кроме командира пулеметной роты Петрова. Он был хмурый и недовольный. Все делал молча.

Поздно вечером в деревне Батово, у которой расположился взвод, загорелось несколько домов и сараев. Вероятно, это сыграло свою роль в принятии полкового приказа: освободить от немцев эту деревню. Ясное дело – силами батальона капитана Сердюкова (считай – силами взвода Ильина). Опять – без артподготовки. Начать дело решили завтра утром. Исходным рубежом для атаки избрали начало крутого подъема к деревне, преодолев который можно оказаться у ближних домов и сараев.

Утром быстро и бесшумно подошли к этому рубежу, залегли, а Ильин привстал, чтобы лучше рассмотреть местность. Сразу же раздалось не-

сколько автоматных очередей. Не из деревни, а справа, с нашей стороны. Послышались крики: «Немцы. Нас окружают...» Действительно, немцы перед самым носом командира пулеметной роты зашли почти в тыл и начали расстреливать солдат взвода.

Ильин командует: «Гранаты к бою! Гранатами – огонь! За мной!»

Это был бросок обратно. Для многих – бросок в бессмертие. Но иного выхода не было. Успех дела решали секунды. Взвод забрасывал немцев гранатами и расстреливал из автоматов. Немцы тоже почти в упор расстреливали бойцов взвода. Живых осталось мало: пять бездействовавших пулеметчиков и десяток человек от взвода. Но и из немцев мало кто уцелел.

Ильин заскочил в окоп, потом вылез из него и сел на землю, чтобы отдышаться. К нему подошли чудом оставшиеся в живых его солдаты. Встал. Обнял каждого из них. Помолчали. Взводный был без шапки. Возможно, сбило пулями. Бинты ослабли. Он сорвал и бросил их. Запасной диск к автомату искорежен пулями. Запястье правой руки касательно ранено пулей. Оттуда вытекала кровь. Полевая сумка прострелена несколько раз. (Она хранится у его брата Леонида.) Комвзвода в эти минуты был страшен и решителен. Подозвал к себе пулеметчиков. Оказалось, что они по примеру старшего лейтенанта Петрова накрылись плащ-накидками и у пулеметов уснули. Солдаты ругали их и называли предателями. Ильин взял Петрова за ворот, сильно потряхнул и, заикаясь, громко скомандовал: «Иди к комбату, доложи, что наделал. Я могу тебя пристрелить здесь, сейчас. Да не хочу, чтобы гад лежал рядом с честно погибшими по твоей вине солдатами». Он еще раз потряхнул его и все силы свои вложил в одно слово: «Ну!». Петров заревел навзрыд и ушел.

Остатки взвода организовали оборону занимаемого ими участка, потому что о наступлении, о взятии деревни Батово не могло быть и речи. Ночь прошла тихо. С обеих сторон не было никаких выстрелов. Ильин поочередно с несколькими бойцами отдыхал в той же яме от сгоревшего блиндажа. От комбата вестей не было.

Утром пришли два солдата и сказали, что у них поломались автоматы, стреляют только одиночными. Ильин расположился с ними в углублении ямы, разобрал, почистил, собрал автоматы, и они заработали вполне исправно. Встали. Ильин положил автомат на плечо солдату и стрелял, покаяваясь еще раз, что и как надо делать. В окопах начался шум. Слышались крики и ругань. Это ребята вот уже в который раз донимали пулеметчиков, называя их предателями. Немцы шум услышали, поняли, что русские с поляны не ушли и начали обстрел из минометов. Одна мина разорвалась

на бруствере ямы. Оба солдата упали замертво. Вражеские осколки, кроме одного, они приняли на себя.

Ильин почувствовал удар в правую ногу, выставленную в сторону при стрельбе стоя. Попытался шагнуть и упал. Схватился за ногу обеими руками и понял, что случилась беда – ранен. Лишь назавтра он узнал, что осколок раздробил большую и малую берцовые кости. А сейчас он захотел посмотреть, узнать, что там, и начал разматывать обмотку. Сразу же усилилось кровотечение, обмотку он обратно замотал, но лужица крови заметно увеличивалась. Решил снять обмотку со второй ноги и наложить жгут. От контузий и потери крови голова закружилась, и, помимо воли своей, он повалился на бок и потерял сознание. Солдаты привели его в чувство, наложили жгут, принесли ольховые палочки и прибинтовали их к раненой ноге. Получилось что-то вроде лангетки. А главное – они из шинелей и фуфаяк сделали настил, передвинули его туда и укутали такими же шинелями да фуфайками. Автомат придвинули к боку, пистолет засунули под фуфайку, на грудь, рядом с ним положили сухарик, а для сугреву дали глотнуть из фляжки.

Ильин одного солдата для доклада послал к комбату, второго назначил старшим, велел к пулеметам выставить посты на всю ночь, брезентовые пулеметные ленты намотать на себя, под фуфайку, чтобы были сухими, так сказать – боеспособными, а спать просил по очереди. На большее этого недавно энергичного человека сейчас не хватило. Выключился.

Проснулся, когда на небе высвечивались звезды. Рядом сидел солдат. Объяснил, что послал старшой, велел дежурить и сказать, когда придут санитары.

Пока санитары укладывали Ильина на волокушу, около его собрались все, кому он приказал охранять и защищать от врагов недавно отвоеванный кусок нашей родной земли. Прошались молча. Ильин навсегда запомнил молодые лица мало знакомых, но таких милых и родных ребят.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Судьба распорядилась так, что Ильина на этой вот волокуше с фронта, из окопов увозили навсегда; что в действующей армии он не был всю войну, как говорят – от и до. Но он не испытывает ни зависти, ни сожаления: непосредственно в окопах, на передовой ему, взводному, довелось быть более семи месяцев, из них большую часть времени пришлось провести в боевых условиях. Если учесть, что средняя продолжительность жизни в боевых условиях у командира взвода была 3 дня, командира роты – 7 дней, батальона – 11, полка – 20 дней, то можно сказать, что родился

он под счастливой звездой. Это усредненные данные статистики. А сколько было случаев, когда он просто чудом оставался жив. Здесь, в воспоминаниях об этом, рассказано почти протоколно, но понять можно, что роковой трехдневный срок перекрыт много-много раз.

Судьба распорядилась так, что Ильин не участвовал в таких широко известных и решающих сражениях, какие были под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Курской дуге. Не был он и в Берлине, хотя воевал в составе той дивизии, того полка и того батальона, который водрузил Красное Знамя над Рейхстагом. Не дошел. Был ранен. Он был на тех участках фронта, о которых тогда, в войну, сообщалось, что там идут бои местного значения. Сейчас, тем более, не говорится почти ничего.

Но давайте вспомним, что и как было. В газете «Ветеран» № 15 (392) была опубликована статья «На Великолукском направлении». Ее автор, старший научный сотрудник архива Н. Пятаков, сообщает, что «под Великими Луками противостояли две сотысячные военные группировки. Начало операции, а она началась 24 ноября 1942 года, и весь ход ее были очень трудными. Нашим в большинстве своем не обстрелянным войскам пришлось взламывать заблаговременно подготовленную, глубоко эшелонированную оборону противника. Чтобы понять, какое значение придавала Великолукской операции Ставка, следует напомнить, что Г. К. Жуков как представитель Верховного Главнокомандующего, по крайней мере, четырежды находился здесь. А ведь в то же время под Сталинградом шло невиданное до сих пор сражение».

Командующему третьей Ударной армии К. Н. Галицкому Г. К. Жуков предложил «втянуть в длительную вязкую борьбу как можно больше войск противника». После прорыва обороны противника часть наступавших сил была развернута на Новосокольники, которые штурмовали одновременно с Великими Луками.

«Даже если вы не возьмете Новосокольники, – сказал Жуков Галицкому, – но втянете гитлеровцев в тяжелую длительную борьбу и оттянете часть их войск с других фронтов, то считайте, что общую задачу выполнили».

Все происходило по сценарию, который наметил Г. К. Жуков.

Великие Луки освобождены 17 января 1943 года. Все попытки гитлеровцев вернуть их себе были отбиты.

Город Новосокольники, штурмовать который приказывалось в тот же день, что и Великие Луки, был освобожден 29 января 1944 года. (Ильин вблизи Новосокольников был ранен 26 января.) Таким образом, изнурительная борьба с втягиванием все новых войск противника после штурма Великих Лук на Новосокольническом направлении длилась больше года.

И здесь Ильин благодарен судьбе за то, что он был приобщен к этой изнурительной борьбе и делал все, что мог. Конечно, тогда он не знал о замыслах главного командования. Взводному знать такое не дано.

Почему я пишу об этом? Потому, что это вклад Ильина и тысяч таких же солдат в общую победу. Рассказать об этом становится некому: поколение победителей ушло из жизни почти полностью. Оставшиеся жить, если могут, должны рассказать молодым, кем и как завоевывалась наша Победа.

Я ХОЧУ ЖИТЬ!

Итак, суровая, напряженная окопная жизнь Ильина закончилась. Санитары волокушу заташили в палату медсанбата № 456, переместили лейтенанта на носилки и оставили у теплой-теплой металлической печки. Больше он не помнит ничего. Уснул.

Проснулся или очнулся (трудно сказать, чего тут больше) потому, что его хлопали по щекам, а незнакомый мужской голос просил проснуться. Ему хотелось спать, но глаза открыл и увидел мужчину в белом халате, сказавшего, что он сделал ему операцию. Врач подал что-то и сказал: «На, это – твой». Он положил на ладонь Ильина осколок и пошел к соседнему операционному столу, где его ждал очередной раненый. А осколок был черный, тяжеленький, размером меньше ногтя мизинца.

С операционного стола увезли Ильина в соседнюю палату и положили на деревянные нары. Улыбчивая сестричка угостила чаем и хлебом с маслом. Чай выпил, хлеб попробовал, а есть не стал, сославшись на то, что он горький. От обеда отказался. Смерили температуру. Больше 39 градусов!

Снова операционная палата, тот же операционный стол, а главное – тот же врач. Он сказал, что началась газовая инфекция, что это очень опасно, что ногу надо ампутировать.

Ильин вспомнил родную деревню Михалиху, вспомнил соседа безногого, ходившего на костылях, и, вроде бы, сам себя спросил: «Как же я без ноги жить-то буду? Я хочу жить! Доктор, помогите, придумайте что-нибудь...» Больше он говорить не смог. Врач привел еще одного врача, они осмотрели ногу, отошли в сторону, поговорили и сказали, что могут сделать лампасы (большие разрезы). Если это не поможет, ногу ампутируют выше колена или полностью всю. Почти ничего не понимая в сказанном, Ильин, как утопающий, схватился за соломинку и с врачами согласился.

От голеностопного сустава до колена сделали три разреза длиной десять, семнадцать и двадцать сантиметров, наложили туда тампонов с лекарствами, и разрезы расширились до пяти, семи и десяти сантиметров

соответственно. От ноги остался маленький комочек икроножной мышцы, кости, кожа и синюшная стопа. А пальчики шевелились! Сестрички постоянно измеряли температуру и два раза в сутки, утром и вечером, делали сухие перевязки и меняли тампоны. Это были жуткие пытки. При сухой перевязке бинты мочить ни чем нельзя. Их отдирали, не смотря на стоны и ругань больного. Одну сестричку Ильин попросил пальчиками придерживать кожу у разреза. Она ехидно улыбнулась и сказала: «Вот, ты еще учить меня будешь!» Он прогнал ее. Другая сестричка делала как надо, нежно, с сопереживанием. И когда в следующие разы провозили Ильина в перевязочную, подружки кричали: «Лида, иди, твоего лейтенанта привезли».

Несмотря на перегрузки медперсонала и переполненность ранеными, Ильину было определено и осуществлено индивидуальное лечение. Это стало необходимым после уникальной операции, сделанной в условиях медсанбата. Первое время давали «фронтовые», а врач говорил, чтобы он ел сколько хочется: «Ты – молодой, должен поправиться». Думаю, что о такой истории можно и не говорить, если бы не произошло одного случая. Спустя сорок лет о газовой инфекции узнал известный в Вологде и области врач-хирург Н. А. Матаруев. Он не поверил. А у Ильина оказалась официальная справка из Ленинградского Военно-медицинского музея от 9 марта 1983 года, где черным по белому написано: «газовая инфекция (широкие разрезы)».

Недели через три врач сказал: «Угроза миновала. Ты везучий, переводим тебя в другой госпиталь». Лечился Ильин еще в трех госпиталях. По поводу остеомиелита была еще одна операция. По поводу незаживающей раны после консультации Николая Николаевича Блохина, будущего президента Академии медицинских наук, – снова операция. Всего было двенадцать операций и только одна – аппендицит – не связана с ранениями. Да еще – укорочение ноги, да полужоный сустав, да шипы, и в

В эвакогоспитале № 2841.
г. Горький. 1944 г.

результате – инвалидность второй группы с августа 1944 года по настоящее время. А жизнь, вся жизнь до восьмидесяти лет прожита в строю! Вот что могут люди, если они за жизнь борются до конца; вот что может наша медицина, если ее достижениями пользуются человеческие и благородные люди!

Выше линии не пишите!

3/IV. 1945г. Привет с фронта!
Здравствуй друг. Невен! Прими привет
от Кося! И передай мне передай тебе
свой привет дружителю привет и маме
наилучшим пожеланиям в твоей молодой
дружеской семье. Друг Невен много тебе
пишу писем, а ответа не получаю!
Всего дня мы работали на лесной работе ~~на лесной~~
~~на лесной~~ в лесу нещадно без
по необходимости. Невен, я сейчас так же как
ты на одну выше. Выводом если получаю
твой адрес пришлю тебе свое фото
за ст. Р. мне прислали медаль „За Отвагу
вдальнее на Невен. Родители! Евгений
если вашего сына нет дома то пришлите
мне его адрес, а мое письмо не передайте
ему, я его знаю как в лесу и в лесу
в лесу. Будьте здоровы и пишите
ответы в письмах к вам Н.М. Кося

Ниже линии не пишите!

«ПУСТЬ РАСТУТ БЕРЕЗКИ!»

Я не ошибся, сказав, что вся жизнь прожита не в обозе, а в строю. Ильин работает и сейчас. Он считает, что работа для него и есть жизнь. Поэтому из восьмидесяти прожитых лет трудовой стаж – более шестидесяти лет.

И, конечно же, вспомнить есть что.

Из всех воспоминаний яркими и незабываемыми остались воспоминания о военной молодости.

Вот, бывает, вспомнишь что-то, сосредоточишься и слышишь песню про землянку, про друзей военных дней, про синенький скромный платочек... Это – зов тех ребят, которые навсегда остались там. Понял это Ильин и осенью 1981 года во время отпуска вместе с девятнадцатилетним сыном Алексеем поехал в Невельский район Псковской области.

Старый и верный друг Иван Васильевич Васильев, тоже окопный солдат, сказал, что предполагает, где та высота, но уговорил по пути зайти к его друзьям в Невеле и в Ловце. Проехать мимо, мол, неудобно, не по-солдатски. Зашли. Познакомились. «Пригубили» немного. А от застолья Ильин отказался: он хотел скорей побывать на высоте.

Последний раз сориентировались на холме, где в ноябре 1943 года похоронен убитый фашистским снайпером писатель-фронтовик Владимир Петрович Ставский. В панораме русских всхолмленных полей и лугов с перелесками, речками, озерами и болотами возвышалась густая шапка темного осинового леса, до которого, подумал Ильин, следовало бы доехать. Но вскоре убедился, что на машине можно проскочить и не заметить высоту. Попросил остановиться и пошел туда. Нет, не пошел, а побежал, желая поскорее все отыскать и увидеть. Вот проселочная дорога, огибая высоту, уходит влево.

«Нам надо идти прямо, в лес», – сказал он сыну. А у псковичей спросил: «Сколько же годиков этим осинам?» Они ответили, что осинам лет тридцать. Возможно, побольше.

Пробираясь через какие-то ямы и канавы, Ильин наткнулся на знакомую ложбину. Если это та ложбина, то надо идти по ней вниз, она выведет к противотанковому рву и к озеру. Через несколько минут он был у подножья высоты, во рву.

Ров и теперь был глубиной по пояс. Стоя в нем и разглаживая, словно живую, землю, еле сдерживая волнение, он сказал подошедшим друзьям: «Она!» Это была именно та высота. «Только зашли мы с бывшей в то время немецкой стороны, а я должен этот путь пройти от наших окопов».

Приехали к окопам. Их еще можно узнать. Псковичи остались покурить, а Ильин с Алексеем пошли «своей дорогой», от своих родных окопов на высоту. Они долго ходили по ней. Ориентировочно нашел то место, на котором он автоматчикам командовал «пли» и с которого водил их в атаку; нашел место, где был ранен. Сел на срубленную осину и долго отдыхал.

Почти за сорок лет на высоте и вокруг ее все изменилось, заросло. Даже озерко заросло. Время сделало свое дело. Но – не с памятью! Память живет и жить будет, пока есть человек!

Правда, высота в памяти Ильина оставалась большой. Фактически она оказалась значительно меньше. Будто ее кто-то приплюснул. Да и земля на высоте, вокруг ее не ахти какая. Суглинок да подзол, обычная северо-западная неухоженная нечерноземка.

А сколько жизней отдано, сколько тут молодых ребят полегло?! Только с нашей стороны больше двух взводов первой роты да больше двух взводов второй роты, да несколько разведчиков и танкистов. Это только за двое суток.

По достоинству оценены эти бои в газете «Литературная Россия». В номере за 15 ноября 1963 года опубликован очерк Константина Лапина «Всю жизнь на передовой». В нем, в частности, сказано: «Освобождение Невеля завершило сокрушение треугольника вражеской обороны, построенного на мощных узлах сопротивления: Новоскольники – Великие Луки – Невель. В официальной сводке гитлеровской ставки в те дни с тревогой сообщалось об этих боях: “Все бои на Восточном фронте отступают на задний план по сравнению с тяжелым сражением в районе Невеля”».

Значит, автоматчики Ильина причастны к этим событиям. Конечно, бой за высоту был частью, небольшой частью тех тяжелых сражений и за Невель, и за землю нашу русскую, и за всю нашу жизнь.

Тишину, в которой пребывал Ильин, нарушил его сын.
«Папа, – спросил Алексей, – земли домой возьмем?»

На месте боев у с. Ловец
Невельской волости. 1981 г.

«Возьмем. Только зайдем еще к моим автоматчикам. Посидим. Помолчим».

«Папа, – не успокаивался сын, – посмотри: на фашистских окопах выросли осины, а на наших, на твоих-то окопах растут березки!»

Молча долго-долго смотрел Ильин то на осины, то на березки, то на сына.

Как верно, как мудро в этом случае распределила свои дары природа! И как здорово, что заметил, увидел это именно сын!

Однако сказать вот так высокопарно Ильин не смог. Он просто потечески крепко пожал Алексею руку и улыбнулся. Облегченно вздохнул и почувствовал, что слезы его стали сладкими, как березовый сок. И пусть! Этот сок – не кровь. Пусть его попьет земля автоматчиков.

Затем окончательно собрался с духом и сказал:

«Пусть растут березки!»

НАД ПАМЯТЬЮ ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО!

Двадцать лет спустя, через шестьдесят лет после Победы Ильину повезло еще раз побывать на Псковской земле. Иван Васильевич Васильев и глава администрации Псковской области Евгений Эдуардович Михайлов отнеслись уважительно к его желанию побывать в Невельском и Новоскольническом районах, около села Ловец и деревни Батово. Дали «Волгу», предупредили глав администраций Ловецкой и Маевской волостей. Сопровождающим оказался Борис Арсентьевич Ромачевский, при-

22. 07. 03 был на земле бывшей д. Батово... Внизу, под обрывом – большая поляна, которая с трех сторон омывается речками (они в кустарниках), впадающими в озеро. Оно на фотографии сзади меня. От д. Батово к озеру – очень высокий и крутой обрыв. Брать деревню пехоте было можно только со стороны поляны. А от деревни – путь к освобождению ст. Маево. Глава Маевской волостной администрации Сущевский В. П. сказал мне, что тут долго шли тяжелые бои, убитых было много.

Пос. Маево Новоскольнического района

ветливый и внимательный человек, хороший собеседник, в свое время живший и работавший в тех местах. Пока он рассказывал о тяжелой жизни псковичей в годы немецкой оккупации, о военных событиях в тех местах, о трудностях послевоенного периода, о том, что тогда наладили жизнь, а сейчас опять ее налаживаем, — пока велись эти разговоры, Ильин из автомашины рассматривал придорожные поля, луга, деревни и заметил, что новых домов на селе почти нет.

В городе Невель встретились с Тамарой Александровной, заведующей отделом районной администрации. Чтобы не терять времени, отказались от экскурсии по городу и от обеда. Сразу поехали в село Ловец.

Как отметил Ильин, село за последние годы не расстроилось или мало расстроилось. Обычное старинное русское тихое село. Несмотря на солнечную погоду, на его улицах встретились лишь несколько старушек с хозяйственными сумками. Детишек не видели. В скромном здании волостной администрации, кроме главы и секретаря, посетителей не было.

Глава администрации Ловецкой волости Николай Иванович Соловьев сразу произвел хорошее впечатление. Он был в курсе военных событий, на вопросы отвечал конкретно и понятно.

По хорошей проселочной дороге он быстро довез вологодского гостя и до высоты и до окопов, с которых автоматчики начали наступление. Оказалось, что возвышенность, где размещался взвод автоматчиков, состояла из гравийно-песчаной смеси, поэтому дорожные строители тут разработали карьер и увезли на дороги почти всю «окопную» землю. В военные и послевоенные годы с места у карьера село Ловец было видно. Ильин это помнил. Теперь все заросло лесом и села не видно.

Ильину пришлось уточнять. Он спросил: «А перед селом заболоченная низина была?» «Она и сейчас есть, только ивняком заросла». Ильин не унимался: «А в низине возвышенность есть?» «Есть. Никуда не делась. Зачем она тебе?» «Да затем, что там были наши станковые пулеметы». «Сразу после войны я, ученик шестого класса, с ребятами вместе откопал там два разбитых станковых пулемета и сдал в металлолом».

Николай Иванович закурил. Помолчал. И, вспоминая события полувековой давности, как бы между прочим, заметил: «И автоматы, патроны, гранаты находили. Тут много всего было». Он затаился, смял и отбросил сигарету и продолжил: «Особенно много касок находили, касок да человеческих костей... Все свезли на кладбище и захоронили в братской могиле. Немцев хоронили отдельно».

Отправились обратно. Вышли на дорогу к машине. Ильин опять обратился с вопросом: «Николай Иванович, дорога эта вон там, перед осинником, поворачивает влево?» «Поворачивает к высоте. А тебе что?» «Вспомнил танк. На том повороте, почти на высоте горел наш танк...» «Дак я с ребятами и эту сгоревшую тридцатьчетверку сдал в металлолом. В МТС выпросили два трактора “Натика” и уволокли его».

«Тогда от места, где горел танк, нам надо идти прямо в лес».

Идти лесом, захламленным порубочными остатками, было нелегко. Тамару Александровну уговаривали остаться, но, такая неугомонная, она сказала, что все время будет вместе, и пошла даже направляющей. Когда Ильин опознал лощину, он понял, что нужные места прошли. Как и двадцать лет назад, надо идти вниз, к озеру, и найти ров. Времени ушло много. Начали одолевать усталость и даже сомнения. И вот его ноги как-то неестественно углубились в почву. Походил туда, обратно и обнаружил прямую отвесную стенку рва. Ветрами и дождями ров засыпало, залило почти полностью. Но судьба и друзья помогли найти те места, где автоматчики ходили в атаку, где Ильин был ранен.

Полуденный зной, тишина и лесная прохлада располагали к отдыху. Уставший Ильин сел на ствол срубленной осины. Отдышался и почувствовал запах не прелых листьев леса, а едкий, чесночный запах от взрыва немецкой гранаты. Закрыв глаза. И вместо внешних раздражителей увидел солдат, услышал крики, взрывы, стрельбу... Он встал и подошел к ожидавшим его друзьям.

Подошли к машине. Тамара Александровна капот автомашины накрыла скатертью. Помянули тех, кого надо помянуть, и, не заезжая обратно в Ловец, направились на встречу с главой администрации Маевской волости Новоскольнического района.

Глава администрации Владимир Павлович Сушевский сказал, что без обеда он нас никуда не повезет, и пригласил к себе в дом, добротный сельский дом, срубленный им самим. Привлекало внутреннее убранство – есть все необходимое и нет ничего лишнего. Красиво. Уютно. Скромны, внимательны хозяин и хозяйка. И – богатый обеденный стол. За обедом разговорились, познакомились. Оказалось, что Владимир Павлович – заядлый охотник и рыбак. Все места, которые интересуют Ильина, он исходил вдоль и поперек.

Деревню Батово нашли сразу. Вернее сказать, нашли закладные камни, яблоньки и по ним определили, что это то место, где до войны жила деревня. Сейчас на ее месте – заросли крапивы, осоки, пырея и других трав. Заросли кустарником и остались нескошенными луга. Зброшены и

...У с. Ловец Невельского района... 22. 07. 03 г. В 1943 г. здесь леса не было. Была безлесная (голая) высота 173,9, за которую сначала автоматчики взвода мл. лейтенанта Макаровского Е. И., а потом I и II роты I батальона 756 С. П. 150 С. Д. 15, 16 и 17 декабря 1943 г. вели бои за освобождение ее от немцев и власовцев, за прорыв обороны в горловине «невельского мешка». Здесь я был ранен осколками гранаты в лицо.

Макаровский Е. И. 22 июля 2003 г. Нашел и высоту, и место, где 16 декабря 1943 г. был ранен осколками гранаты в лицо (когда мы ворвались в немецкие окопы).
У с. Ловец Невельского района. Высота 173,9.

В первых числах января 1941 г. я, недолеченный, с забинтованной головой, добровольно ушел из медсанбата в 379 СД, 1253 СП, на фронт, в окопы. В роте был один мой взвод, в батальоне – одна эта «рота». Почти ежедневно мы оборонялись, отбивая атаки немцев, или наступали. В местечке (1) я был сильно контужен. В местечке (2) – тяжело ранен. Длинную поляну, расположенную между речек, прошли с боями и начали бой за д. Батово. Но были окружены, атаковали. Отошли, уничтожив много немцев, но и у нас осталось 5–6 человек. Итак, поляна у бывшей д. Батово Маевской волости Новосokolьнического района. 22. 07. 03.

давно не обрабатываются поля. Словом, обычная теперь картина вымирания села. В одном месте у бывшей деревни из кустов выскочила дикая коза и убежала от машины. В другом месте из придорожной лужицы вылетела утка и громко закрикала, словно бранила за причиненное ей беспокойство. Владимир Павлович пригласил специально приехать на охоту: «Видите, на Вас дичь идет».

Подошли к окраине бывшей деревни, к обрыву, внизу и вдали от которого зеленела большая поляна, обросшая деревьями со всех сторон. Под обрывом – заболоченный ручей, впадающий в озеро. За поляной – омывающая ее речка и тоже впадающая в озеро. Значит, это – та поляна! Около речки шестьдесят лет тому назад Ильин был контужен, а недалеко от бывшей деревни Батово и вот этого ручейка он был ранен. Естественно, появилось желание спуститься вниз и теперь спокойно пройти по поляне. Владимир Павлович запротестовал: «Ручей глубокий. Я хожу в броднях». «А я, – нашелся Ильин, – штаны сниму и пойду». Придержав его за руку, Владимир Павлович сказал: «Зачем же без штанов идти на мину... Саперы там были. Но гарантии нет».

1941

1945

УВАЖАЕМЫЙ

Евгений Ильич!

Президиум Совета ветеранов войны 150 стрелковой Идрицко-Берлинской ордена Кутузова II степени дивизии сердечно поздравляет Вас и Ваших близких с днем Победы!

От всей души желаем Вам и Вашим близким добро-го здоровья, сохранять бодрость духа и достоинство, пережить смутное время.

Хотя и развели нас по разным государствам, но сила наша в братстве и единении.

Счастья и долгих лет жизни Вам, Победители, водрузившие знамя Победы!

Почетный председатель Совета ветеранов войны 150 стр. дивизии
герой Советского Союза
генерал-полковник
Председатель Президиума Совета ветеранов войны 150 стр. дивизии
генерал-майор
Ответственный секретарь Совета ветеранов войны 150 стр. дивизии
капитан

В. М. ШАТИЛОВ

А. Г. КУРБАТОВ

Д. Р. БРЕГМАН

Новосокольнический райвоенком Говорунов И. А., Макаровский Е. И., Ромачевский Б. А. и глава Маевской волостной администрации Сушевский В. П. у памятника-обелиска перезахороненным в братскую могилу советским солдатам, погибшим у д. Батово и пос. Маево. ... В т. ч. более 30 человек из моего взвода, выполнявшего задачи батальона. Спасибо Вам, Владимир Павлович, помощникам Вашим за память, за уважение к солдатам-освободителям!
Пос. Маево Новосокольнического района. 22. 07. 03.

Жаль. Очень жаль. Пришлось ограничиться фотографированием на фоне поляны, которая запомнилась навсегда.

Все скрасила и настроение улучшила встреча около Маевской администрации и школы. Еще к 50-летию Победы здесь было проведено захоронение останков погибших солдат, благоустроена братская могила, сооружен хороший памятник-обелиск. По обе стороны его установлены мемориальные плиты с высеченными на граните именами солдат, в том числе и солдат взвода Ильина, погибших в боях за освобождение Родины. Нескольких плиток стоят бесфамильными. Каждый год поисковики находят останки погибших. Их хоронят, и таким образом скорбный список растет и растет. Все праздники и общественные мероприятия начинаются или завершаются возложением цветов и земными поклонами павшим в борьбе за жизнь на земле.

Владимир Павлович сказал, что захоронено тут много. Немцев хоронили отдельно. И тоже много. «Бои здесь шли долго. Бои были тяжелые. А

живого слова от участников тех боев уже не услышишь: во всей волости в живых остался только один человек».

В Великие Луки, к сожалению, не ездили. Не успели. Но от ветеранов стало известно, что там проведена и проводится большая работа по увековечиванию памяти о погибших в годы войны, возрождаются народные традиции. От города к Ступинской высоте, например, построена асфальтированная дорога. Молодожены после регистрации брака ездят туда с цветами, чтобы отдать дань памяти тем, кто ценой жизни своей предоставил им возможность создавать счастливую русскую семью.

Естественно, Ильин главе администрации Псковской области послал благодарственное письмо. В нем он признался, что при посещении мест, где ему довелось участвовать в боях, были слезы, волнения, радости. Слезы – от жалости к погибшим восемнадцати-девятнадцатилетним ребятам-однопольчанам; волнения – от воспоминаний о страшной войне; радость – от того, что память о нас жива, что люди знают и помнят то, что было. Над памятью время не властно!

МОЛОДЫМ – ВЕРЮ!

Когда говоришь о памяти, то речь, прежде всего, заходит о молодежи. Дело в том, что юноши и девушки – дети не только родителей своих, а еще

Центральный музей Российской армии. У Знамени родной дивизии. 1995 г.

и дети своего времени. Не вина, а беда нынешних молодых в том, что им суждено учиться созидать и участвовать в разрушении; жить в условиях, когда такие понятия, как Родина, патриот, оплеваны, смешаны с грязью и стали объектами насмешек и издевательств; жить, когда нет идеала, веры и надежды; жить в бушующем море обмана, беззакония, жестокости и аморальности.

Конечно, в семье не без уroda. Но надежды хихикающих и злорадствующих не оправдываются. Молодежь, как цветы к солнцу, тянется к правде, хочет жить хорошо и самостоятельно, свободно и счастливо. При встречах у Ильина не раз спрашивали: Если при Советской власти было лучше, то почему нет этой власти? Кто такие Сталин, Жуков? Можно ли людям жить без войны? и т. д.

А студентов Вологодского института экономики и права заинтересовал вопрос «Что вас двигало идти в атаку, ведь вы знали, что там убивают?». Спрашивали не кто двигал (в смысле – гнал), а что двигало. Ответ был дан в большом зале Дворца культуры Вологодского подшипникового завода на торжественном собрании, посвященном Дню Победы. Преподавателей и студентов института собралось более шестисот человек.

«Что двигало? Желание жить!» – переспросил и ответил Ильин. Хорошо, что молодых интересует этот вопрос. «Я могу на личных примерах рассказать, как мои сверстники, советские люди жили и боролись за свою жизнь, за право жить счастливо и свободно. Мы были так воспитаны в семье, в коллективе, в обществе. Мы не могли предавать, продавать друг друга, прятаться за чужую спину. Честно служить Родине и народу своему так, чтобы тобой гордились твоя мать, семья, друзья, – было священным долгом. Наш труд был делом чести, доблести и геройства. И когда враг вероломно напал на нас, стал все созданное нами уничтожать и жечь, уничтожать наши села и города, уничтожать миллионы людей, в том числе стариков, женщин, детей, нам оставалось только одно – уничтожить врага, защитив свой народ от фашистского агрессора. Когда мы шли в атаку, мы думали о жизни, а не о смерти, мы думали о победе; мы всеми силами добивались и добились победы.

В зале несколько раз вспыхивали аплодисменты, а Ильин, продолжая выступление, сказал: «Вы, конечно, слышали постоянные сообщения наших недругов о том, что в СССР за годы войны погибло 27 миллионов человек. Прошу вас – не верьте этому! Дело в том, что персональные потери военнослужащих СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов составили 9168400 человек. (У фашистской Гер-

мании военные потери были, примерно, 9500000 человек.) Вы можете спросить, а где остальные 18 миллионов человек? Отвечаю – расстреляны и уничтожены немецкими фашистами; угнаны в плен, в рабство, умерли в концлагерях, сожжены в крематориях. Гитлер и его клика планировали оставить советских людей только 10 процентов, а остальных уничтожить.

Да, за Победу мы заплатили дорого. Но мы отвоевали право жить вам, молодым, право жить миллионам людей России и многих других стран».

Ветераны верят молодежи и надеются, что она этим правом жить воспользуется с умом.

РАЗГОВОР С ПОПУТЧИКОМ

Е. И. Макаровскому

Край наш – это верно, брат, –
Виноградом не богат.
И земля у нас сырая,
И болота широки.
Но на свете лучше края
Нет, считают земляки.

– Хорошо у нас в краю, –
Сами шутят, – как в раю!
Клюквы, луку да рябины
Отродясь не переесть.
А брусники да малины,
А черники – и не счесть.

Веря от ворот –
Вот какой у нас народ!
Плечи в сажень, грудь горою.
Пальца в рот им не клади.
На работе землю роют –
Был, так видывал, поди.

Ваших, коль молва не врет,
На работе дрожь берет.
А у наших пышут лица
От жары – не похвальба.
Наши в стужу рукавицей
Утирают пот со лба.

Рубят, брат, не байки бают..
Но зато и за столом
Щи да кашу подметают
Ложкой, словно помелом.

А когда за самовары
Сядут (солono солят!),
Пьют, покуда клубы пара
Из сапог не повалят.

Сахар есть – внакладку пьют,
Вышел весь – вприглядку пьют.
Пьют с малиной,
Пьют охотно
С клюквой – ягодой болотной.
Потому как виноград
Здесь не зреет. Верно, брат.

Но ведь мы вперед глядим,
Сложив руки не сидим.
Кое-где и в нашем крае
По весне цветут сады..
А короче – хватит хаять
Край наш, не было б беды!

С. Викулов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Судаков.</i> По памяти, что по грамоте	3
На марше	9
Утверди себя сам	10
Неуча в командиры не ставят	13
«Вот и пристреливай!»	16
«Счастливая» мина	18
На высоте Ступинской	20
«В нашем роду бессовестных нет!»	22
«Годится!»	30
За пядь родной земли	31
Бои местного значения	37
Я хочу жить!	39
«Пусть растут березки!»	42
Над памятью время не властно!	44
Молодым – верю!	51
<i>С. Викулов.</i> Разговор с попутчиком	54